

Борис Корнев

Тайны «пылающего
Разума»

Борис Корнев

Тайны «тмляющего
Разума»

Рассказы и эссе

«Историческая иллюстрация»
Санкт-Петербург
2018

Корнев Б.Ф. Тайны «пылающего Разума»: Рассказы и эссе. – СПб.: Историческая иллюстрация, 2018. – 136 с.

ISBN 978-5-89566-190-1

Начало книги – лёгкое прикосновение к творчеству французского поэта Гийома Аполлинера, к его «Тайнам „пылающего Разума“». Да, здесь не исследование, а эссе о трудностях перевода на русский язык короткого, но наполненного глубоким философским смыслом стихотворения «Прощание». Автор признаётся, что это аполлинеровское – без знаков препинания – пятистишие всю жизнь сопровождает его...

В развитие темы «прощания» следуют рассказ «Путешественники» из нового цикла «Вдвоём». В нём – радость общения с милым живым существом и наслаждение от созерцания природы, ностальгия по чарующим местам на каменистом берегу Финского залива и в Каталонии, как испанской, так и французской.

Говорят, невозможно познать ценность чего-либо до тех пор, пока не потеряешь это. И пусть это начинается каждый раз по-разному, но заканчивается оно всегда одинаково. Знакома читателя с чувством ностальгии, с тяготами «прощания», автор постепенно погружает его в сложные перипетии отношений мужчины и женщины. Этим таинствам посвящены эссе: «Срывая вереск...», «Предчувствие», «Прелюдия», «Пробуждение», «Кое-что о браке». Ожидание и влечение, страсть и симпатия, измена и юношеский романтизм... Названные эссе дополнены уже известными читателю рассказами: «Последние капли дождя», «Этот сумрачный белёсый свет...» и «Зеркало любви».

Заканчивает сборник сочинение «Новые океаны», возвращающее к началу книги, к аполлинеровскому «запаху времени», «аромату увядания», к осознанию быстротечной реки жизни: потоку невосполнимых утрат, преходящих радостей, остывших страстей...

Однако перед раздумьями о времени и смысле жизни автор, как бы, проверяя себя, обратится к счастливому детству, с его простыми переживаниями и напишет две коротеньких зарисовки: «София-Антонина» и «Это как любовь»...

© Б.Ф. Корнев, текст, 2018

© А.В. Спиридонов, макет и оформление, 2018

© «Историческая иллюстрация», 2018

«Тайна сия велика есть...»

Библия (церковно-славянский текст). Новый Завет, Послание апостола Павла к Ефесянам (гл. 5, ст. 32)

Тайны «тылющего Разума»

(Гийом Аполлинер. «Прощание»)

Эссе

Ce qui fait le beauté des choses est invisible.

A. de Saint-Exupéry. Le Petit Prince¹.

Вчера весь день трепались по-французски. Чтобы не заснуть, почти ничего не ели, пили чай с сушками и болтали. Просто болтали обо всём, что придёт в голову. За два дня вспомнить литературу нескольких веков – всё равно нереально. Зато можно успеть набраться слов, оборотов, целых кусков, пригодных для описания творчества любого прозаика или поэта. Этакая суррогатная филология. «В своих произведениях он безжалостно бичует человеческое лицемерие», «срывает покровы», «пишет яркое полотно, пронзает и т. п.»...

Приятель вырубился первым, под утро заснул и я. В десять нас разбудил телефон. Звонили из школы. Секретарь директора предлагала прийти на экзамен. «Вот тебе раз! Видимо, не готовы те, кто должен был явиться в первую смену. Нам-то к двенадцати... Мы – хорошие!» Решили проявить героизм, вдруг зачтётся.

¹ «...самое прекрасное в них то, чего не увидишь глазами» (*Сент-Экзюпери А. де. Маленький принц. Военный лётчик. Планета людей. Письмо генералу Х. / Сост., вст. ст. Б.Л. Губмана, пер. Норы Галь и А. Тетеревниковой. М.: Высшая школа, 1992. С. 79*).

Мне тогда жутко не повезло с билетом. Все французские поэты девятнадцатого и двадцатого веков. Это человек двадцать, не меньше. Ничего себе вопросик на экзамене по французской литературе! Нет чтобы какой-нибудь роман Бальзака... И почему все поэты в кучу? Должно быть, по сравнению с французской прозой их общий листаж слишком мал. Да мне всё равно! Так и так никого толком не знаю. Вообще тогда не любил стихи. Лучше уж проза! Бальзак, Флобер, Стендаль, на худой конец Гюго... Но чтобы Рембо, Верлен, Элюар, Арагон, Превьер... Символисты, постсимволисты, экзистенциалисты, сюрреалисты, поэтические реалисты... Боже упаси от такой напасти! Наизусть вообще старался ничего не учить. Если уж очень требовалось, то ладно: «Жизнь даётся человеку один раз, и прожить её нужно так, чтобы не было мучительно больно за бесцельно прожитые годы...», «Погиб поэт, невольник чести...», монолог Сида у Пьера Корнеля или из Бомарше речь Фигаро на суде... Остальное забыл. Да, ещё недавно Аполлинера достал и выучил два стихотворения.

Как быть? Нужно ведь что-то говорить. Вспомнил, как в старших классах на уроках русской литературы учительница с материнской нежностью относилась к переживаниям юношей, вечно краснеющих из-за переизбытка гормонов или от отвергнутой любви к однокласснице. Бывало, вызовет к доске — иду, как на казнь, но уверенно, твёрдой походкой, с гордо поднятой головой. Пройду полпути, остановлюсь, голову опущу, покраснею, рукой махну... Мол, всё равно не поймёте! И такое обилие чувств тотчас проявлялось на моём лице! Учительница проникалась жалостью и тихонечко, чтобы никто не услы-

шал, произносила: «Садись, дорогой, в следующий раз расскажешь...» Правильные учителя были. Раннюю юношескую душу оберегали. А вдруг у меня чувства? Вдруг первая любовь?

Короче. Назвал я кого помнил, фамилий пять-шесть французских гениев, и не знаю, долго ли говорить ерунду про каждого. Быстро почуют неладное. Следует попробовать их чем-то скрепить. Произнёс скороговоркой заранее заготовленные умные фразы, они ведь для всех годятся. У экзаменаторов – а это были наши учительницы французского языка – уже сформировалось устойчивое ощущение, что парень вопрос знает, говорит чётко, с пониманием сути...

Вдруг голос юноши сорвался – это все должны были заметить – и полилась музыка...

*Sous le pont Mirabeau coule la Seine
Et nos amours
Faut-il qu'il m'en souvienn
La joie venait toujours après la peine
Vienne la nuit sonne l'heure
Les jours s'en vont je demeure...
Passent les jours et passent les semaines
Ni temps passé
Ni les amours reviennent
Sous le pont Mirabeau coule la Seine¹.*

(Под мостом Мирабо тихо Сена течёт. / И уносит нашу любовь... / Я должен помнить: печаль придёт / И снова радость придёт / И ночь приближается, пробил час / Я остался, а день угас / ...Прохо-

¹ Здесь и далее: Apollinaire G. Alcools. Suivi de Le Bestiaire. Paris: Édition Gallimard, 1987. P. 61.

*дят сутки, недели, года... / Они не вернутся назад. / И любовь не вернётся... Течёт вода / Под мостом Мирабо всегда...)*¹.

В школе Аполлинера не давали. Первая книжка переводов его стихов появилась в «Доме книги» на Невском всего за несколько месяцев до экзаменов. Его и во Франции-то вспомнили лишь в конце сороковых, через тридцать лет после смерти. Кстати, тогда же реабилитировали и стихи Бодлера, осуждённые ещё при правлении Луи Бонапарта. После войны, видимо, что-то пробудилось в сознании и в сердцах, чувствительных к лирике. Как же иначе? После Франсуа Вийона прошло полтысячи лет, а во Франции лишь немногие могли творить песни с таким же лирическим зарядом.

А нам, третьему выпуску первой в Ленинграде французской школы, как ни покажется странным в год юбилея Октябрьской революции, было интересно всё, что запрещено, не разжёвано и в рот не положено, то, что невидимо или забыто! «Оттепель» или просто возраст такой... Мы прогуливали математику и, забравшись на чердак школы, зачитывались Бальзаком и Флобером, восхищались успехами молодого Растиньяка и уловками мадам Бовари, говорили исключительно учтивыми фразами из Дюма и заучивали наизусть полюбившиеся монологи Сиды и Фигаро. Порою, не зная точного перевода, кожей чувствовали текст Корнеля и Бомарше. Даже перед самыми экзаменами мы, как ошалелые, по несколько раз смотрели «Шербурские зонтики» с Катрин Денёв и ленту «Искатели приключений» с Аленом

¹ Здесь и далее: *Аполлинер Г. Стихи* / Пер. М.П. Кудинова. М.: Наука, 1967. С. 58.

Делоном и Лино Вентурой, зачем-то читали бодлеровские «Цветы зла» и только что появившиеся «Алкоголи» Аполлинера... И уж совсем напрасно тратили время на «Поэтику» Аристотеля, «Принципы и начала» Бэкона с его материей, которая кому-то там «улыбается своим поэтически-чувственным блеском...»¹.

Внезапные печальные аккорды, вырвавшиеся из глубин юной души, учителей растрогали. Нехитрые слова и простые образы, воспроизведённые юношеским баритоном в захватывающем ритме, проникали прямо в сердце, создавая завораживающее лирическое настроение. Я читал не «с выражением», как принято, а с чувством. При этом старался выказать его во всей полноте. Будто это моя любовь утекает под мостом. Словно это «я остался, а день угас...». И так мне стало муторно от этого «тягучего сиротства»², что я махнул рукой, умолк и отвернулся к окну...

Помню, тишина в классе была жуткая. Пожалуй, с минуту. Даже муху услышал, как она бьётся о стекло...

В другой раз Аполлинер пришёл мне на помощь лет через пять, на последнем курсе универа. Осень. Общежитие. Танцы. Девушка... Раз танцуем, два, три... Не останавливаясь, медленно передвигаемся, что-то шепчем друг другу, и никого вокруг для нас нет... Как ударило что-то! Дай, думаю, стих прочту. «Прощание» Аполлинера. Во-первых, знаю. Уже редкость! Во-вторых, хочется блеснуть. Чем чёрт не

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Святое семейство // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М.: Политическая литература, 1955–1974. Т. 2. С. 143.

² «Вспоминаешь ли ты о тягучем сиротстве вокзалов?..» (Аполлинер Г. Путешественник // Аполлинер Г. Стихи / Пер. М.П. Кудинова. М.: Наука, 1967. С. 51).

шутит, вдруг удивлю? Или это делать несвоевременно? «Несвоевременность – вечная драма, где есть он и она...»¹.

Оказалось: всё вовремя! Через год женились...

С тех пор это маленькое творение для меня не просто музыка. Судьба!

*J'ai cueilli ce brin de bruyère
L'automne est morte souviens-t'en
Nous ne nous verrons plus sur terre
Odeur du temps Brin de bruyère
Et souviens-toi que je t'attends
Apolliner G. L'adieu*

Не могу спокойно читать переводы Аполлинера...

Есть прекрасные строки у московского поэта-переводчика Михаила Кудинова. Его «Прощание», на мой взгляд, самое лиричное и самое пронзительное. Прелестна рифма: «осень мертва» – «шуршит трава». А какая смелая замена! У Аполлинера (подстрочный перевод): «Запах времени – стебель вереска». В оригинале, конечно, никакого тире нет. У Кудинова – «Аромат увядания. Осень мертва». Тоже без тире. Через точку! Поставить тире – сузить рамки художественного полотна. И нет никаких «помни», «не забудь». Зачем? Ведь вторая строка – «на земле – ты должна понять...» – уже об этом сказала.

Всё-таки что-то гнетёт и гложет. Остаётся какая-то тяжесть. Действительно, зачем дважды в переводе звучит слово «встреча»? В оригинале его нет. Там – «увидимся». Это же разные слова! «Встретиться» – значит оказаться рядом. «Увидеть» – воспринять зрительно глазами. Более того, у автора «увидимся» свя-

¹ Тальков И. Летний дождь // Аудио-альбом «Моя любовь». 1993.

зано с местом (*sur terre* – на земле). «Nous ne nous *verrons* (*увидимся*) plus sur terre...» По-моему, совсем не случайное дополнение. Немного странные слова: «На земле – *ты должна понять* мы не встретимся больше...» придают сюжету совсем иную окраску. Сразу хочется спросить: «Может, где-то всё-таки встретятся, пусть не на земле, пусть на Пер-Лашез, пусть через тридцать восемь лет?...»¹ Ведь можно встретиться, не *увидев* друг друга! Кроме того, теперь получается, будто это Аполлинер кого-то не любит. Мол, наступила осень, и его любовь прошла... Автор перевода чуть ли не убеждает возлюбленную поэта, что они больше никогда не встретятся. Согласитесь, нарушается логика. Зачем же он тогда будет ждать встречи?

Вернее всего в словах: «Ты должна понять» – скрывается последний аргумент любящего мужчины. Словно он не убеждает, а упрощает: «Пойми, мы же теперь не встретимся! Да, ты меня не любишь, но ведь из-за этого мы больше никогда не встретимся... Разве ты не понимаешь, как это ужасно? Ты *должна* это понять!»

Тем не менее, Михаилу Кудинову удалось сохранить и мелодию стиха, и его ритм. Осталась и загадка автора. К кому он обращается?

*Срываю вереск. Осень мертва.
На земле – ты должна понять
Мы не встретимся больше. Шушит трава
Аромат увядания. Осень мертва.
Но встречи я буду ждать.*

(Аполлинер Г. Прощание.
Пер. М. Кудинова)

¹ Гийом Аполлинер похоронен на кладбище Пер-Лашез в 1918 году, Мари Лорансен – там же в 1956-м.

Так с кем же говорит Гийом Аполлинер?

Одни полагают, что «Прощание», изданное в апреле 1913-го, словно эхо, пролетевшее сквозь десятилетие, вновь, как и стихотворение «Ключ» 1903 года, обращено к памяти великого Виктора Гюго... А «ветка вереска» и в том, и в другом произведении поэта – ожидание бытия после смерти, некий символ вечности¹.

Кто-то увидит в строках «Прощания» первую поэтическую любовь поэта к Марии Дюбуа, они расстались осенью 1899-го. Другие вспомнят томную и тихую красавицу, шестнадцатилетнюю Линду Молина да Сильва. Тогда, в конце лета 1901-го года, чувства Аполлинера вновь станут безответными. Третьи подумают о его большой и трагической любви к англичанке Анни Плейден. Она ехала в Америку в 1905 году. И тоже осенью...

А представьте: Он – Гийом Аполлинер, Она – художница Мари Лорансен. Осень. Вереск. Это вечно-зелёное очаровательное растение долго сохраняет своё цветение, а его оттенки так напоминают акварели Мари!.. В 1907-м их познакомил Пикассо, и последние пять лет они безумно любили друг друга. Как вдруг! «Мы больше не увидимся на земле» (подстрочный перевод)... Почему? Любовь Аполлинера снова безответная или оба любят друг друга, но существует непреодолимая преграда? Увы! И эта возлюбленная покидает поэта. А через год, за несколько дней до начала войны, она выйдет замуж за немецкого барона...

И всё-таки разгадка кроется в другом, вовсе не в расставании Аполлинера с его возлюбленными

¹ Laster A. «L'Adieu» d'Apollinaire: un hommage à Victor Hugo? // Que Vlo-Ve? Bulletin international des études sur Apollinaire. 1984. Série 2. N 10. Avril-juin. P. 11–16.

Мари или Линдой, Анни или Марией... Острота личных переживаний поэта уже достаточно выразительно была излита в стихотворениях «Мост Мирабо» и «Мария». В «Путешественнике» он сообщает своим стихам уже совсем эпический размах, представляя личную драму лишь как одно звено в цепи неотвратимых изменений. «О, откройте мне дверь, я стучусь в неё плача. / Словно воды Эврипа¹, изменчива жизнь...».

Думается, и в коротком «Прощании» всё не так очевидно. Память о великом писателе, любовь, расставание... Где же ключ к шифру? И вот здесь вновь вернёмся к аполлинеровскому «помни». В оригинале стиха дважды звучит не «должна», а именно «помни». Во второй строке: *L'automne est morte souviens-t'en*. И в конце: *Et souviens-toi que je t'attends*. Осень мертва – *помни!* Я тебя жду – *помни!* Это дважды повторяющееся слово в зарифмованных строках разрывает привычную простоту восприятия. Ах уж это нехорошее слово «должна»! Ведь оно может быть обращено только к человеку...

Читаешь оригинал, слышишь мелодию стиха, и кажется, что автор говорит вовсе не с человеком, не с разлюбившей его женщиной... Нет же в стихотворении ни единого слова про любовь, тоску, печаль, расставание... Но с кем тогда? А может, с чем? С изменчивой осенью, с запахом времени, с ароматом увядания?.. В 1913-м году источник аполлинеровской печали – уже вовсе не отвергнутая любовь и не воспоминания об ушедшем писателе. Для него это быстротечная река жизни: поток невосполнимых утрат, преходящих радостей, остывших страстей...

¹ Эврип – образ из полумифологической географии – коварный пролив, где семь раз в день меняется течение.

Помните аполлинеровские строки, которые незадачливый ученик прочитал на выпускном экзамене? *«Проходят сутки, недели, года... / Они не вернутся назад. / И любовь не вернётся... Течёт вода / Под мостом Мирабо всегда...»*.

Вот так же уходящий день, каждый его закат неслышно ложится на землю, неся с собой «хоть минутную – всё же утрату»¹. Иной раз хочется остановить время и насладиться иллюзией ещё не развеянных мечтаний! Но *«...не придумано аркана, / Чтоб удержать мгновений бег. / К чему ж крушиться постоянно: / „Где ныне прошлогодний снег“»*². Красота живёт мгновенье! Увы, таков закон судьбы! Аполлинер это чувствует, понимает и поднимается над событиями личной жизни. Скорбь разлук и восторг свиданий он превращает в яркий поэтический образ – «запах времени» – поток бытия и придаёт ему неповторимый колорит, глубину и драматизм. Читаешь его строки и слышишь шелест сухой травы, вдыхаешь осенний аромат увядания, кожей пальцев ощущаешь хрупкий стебель вереска, сердцем чувствуешь утраченную любовь...

Теперь становятся понятными и другие слова: *«Nous ne nous verrons plus sur terre»* (подстрочный перевод: *«на земле мы не увидимся больше»*). Поэт говорит... с веткой вереска – запахом времени! Пройдёт год. Он всё унесёт с собой, и плохое, и хорошее. На месте сорванного стебля появятся новые побе-

¹ «Там, над лесом – чуть лучики дышат, / Израстая в прожилках заката, / И ложится на землю неслышно / Хоть минутная – всё же утрата» (*Игнатьева Е.Ю.* В начале века: Книга стихов // Вечереет. Прохладой унылой... СПб.: Петербук, 2014. С. 41).

² *Вийон Ф.* Баллада о дамах былых веков // *Вийон Ф.* Сочинения / Пер. Ю.Б. Корнеева. СПб.: Искусство–СПб, 1996. С. 98.

ги, и жизнь вновь расцветёт красками густых соцветий – лилово-розовых, пурпурных, белых, золотистых... Из прекрасного явления природы цветов превращается в символ, соединивший и идею, и образ. А пока... Пока эта надорванная ветка будет будить воспоминания об ушедшей любви и о давно утраченных грёзах. Ведь её нежные цветы так долго не увядают! Но рано или поздно опадут и они, напоминая о бренности жизни, о быстротечности чувства, о вечном движении от одного мига к другому.

Не могу не вспомнить два других перевода строчек аполлинеровского «Прощания». Автор первого – Александр Побожев.

*Я вереска сорвал побег
Вздохнула осень умирая
Для нас с тобой земной прервался век
Как запах времени тот вереска побег
И помни, что я встречи ожидаю¹.*

Тут тоже льётся мелодия. Но, увы! По-моему, не так, как у Аполлинера. Неудачно зарифмовано «умирая» – «ожидаю» и всё как-то слишком плавно. Чего стоит одно деепричастие «умирая»! Хотя «*Земной прервался век...*» здесь красивее и философичнее, чем у Кудинова: «*На земле мы не встретимся больше...*»

Автор другого перевода – петербургский детский поэт и переводчик Михаил Яснов:

*Я сломил эту ветку вереска
Видишь осень мертва опять*

¹ Аполлинер Г. Прощание. Алкоголи 1913 / Пер. А. Побожева (Электронный ресурс: <http://www.stihi.ru/2011/11/25/283>. Дата обращения: 14.12.2016).

*Нам уже никогда не встретиться
Запах времени ветка вереска
Только помни что буду ждать¹.*

Сразу замечу, что в оригинале тоже нет знаков препинания, но там нет и ни одной связки: «Только помни...», «Видишь осень мертва опять». Думаю, прикасаясь к «Прощанию» Аполлинера, не надлежит пользоваться деепричастиями, связующими элементами речи, указывающими на последовательность слов, на интервалы во времени, на причинно-следственную зависимость... Никакие ухищрения подобного рода не восполнят потерю неповторимой аполлинеровской мелодии, утраченной из-за механистического подражания автору, осознанно исключившего пунктуацию. Они не расшифруют его идею, не прояснят ассоциированность разветвлений, по которым движется мысль. Напротив, могут лишь всё запутать.

Именно с этим случайно оброненным словом-обращением «видишь» передо мной во весь рост встаёт кто-то ещё. Согласитесь, его появление ломает ритм. Всего-то пять строк! Любой лишний тон, полутон, даже сонант разрушают хрупкую конструкцию стиха, гасят накопленный в нём накал страсти. После того, как прозвучало это «видишь», появление слова «опять» и вовсе уводит читателя в Неизвестное. Оно заставляет представить невообразимое. Мол, это не осень каждый год, обрушиваясь на судьбы людей, опять и опять уносит с собой их мечты, устремления, печали... Совсем нет! Просто есть два

¹ Яснов М. Амбидекстр. Стихи. Переводы. СПб.: Вита Нова, 2010. С. 187. (Пунктуация сохранена по изданию.)

человека: Он и Она. И над ними всесильный рок! Каждую осень, *увидев* сорванную ветку вереска, они расстаются, а потом, через год, *опять* встречаются... «*Встречаются*», но не «*видят*» друг друга. Что за напасть – это слово «встреча»! Оно же во всех трёх переводах!

Поэзия коротких строк Аполлинера поддерживается не связующими элементами речи, не рифмой и даже не ритмом, не расставленными по правилам знаками препинания. Она в хрупком единении эмоциональной насыщенности, выразительного построения и, что особенно важно, – ассоциативной образности. Именно в ней зашифрованы воспоминания автора о пережитом. Эти строки лучше постигать сердцем, как музыку, сколь возможно отождествляясь с личностью поэта. Так, как это делал популярный французский поэт и композитор Лео Ферре. И ещё! Тысячу раз прав был Экзюпери, когда говорил: «*самое прекрасное... то, чего не увидишь глазами*». Несомненно, в красоте «Прощания» Аполлинера тоже есть своя тайна, невидимая читателю. Он может лишь смутно угадывать её в звучании завораживающего ритма обрубленных строк. А их аскетическая оголённость бьёт наотмашь, не оставляя времени на поиск ключа.

Справедливости ради скажу, что негативные сентенции относительно рока, наверное, возникают только в моём воображении. А слова «видишь» и «опять», вызвавшие вначале отторжение из-за их несоответствия стилю автора, может быть, потребовались переводчику лишь для рифмы?

Не могу спокойно читать переводы Аполлинера...

Ревностно отношусь к любому новшеству, к каждому слову, к каждой запятой переводчика, замах-

нувшего на творчество любимого поэта. В его поэзии мне слышны отголоски средневековой лирики Вийона, мотивы Парижских картин Бодлера и меланхолические нотки «чудовища одарённости»¹ Рембо. Другой читатель найдёт в строках Аполлинера свою красоту, свою тайну. И в этом величие настоящего художника.

Чтобы обновить вдохновение, сделать более свежим и живым, Аполлинер открывает новые пути и в своём творчестве обращается к изменчивой красоте и непостоянству природы. Мимолётные впечатления, исчезающие переживания... Рано или поздно всё, что мы пытаемся удержать и сохранить, утекает сквозь пальцы. Именно эта хрупкость делает нашу жизнь такой красивой. В мире замечательно именно непостоянство. Но там, где воцаряется хаос, умирает искусство. Хаос стирает все границы, отделяющие малое от большого, частное от общего, и воцаряется связь и равновеликость всего сущего... Нужен хоть какой-то порядок! Конечно, «порядок создается жизнью, но сам он жизни не создает»²...

Я попытался лишь чуть-чуть прикоснуться к пониманию короткого стихотворения и увидел, как опасен в искусстве «бросок в Неизвестность». Что-

¹ «Чудовище одарённости» – слова Б. Пастернака о поэте Рембо в сборнике: *Пастернак Б. Я понял жизни цель*. М.: Эксмо-Пресс, 2001.

² «La vie crée l'ordre, mais l'ordre ne crée pas la vie» (*Saint-Exupéry A. de. Lettre à un otage // Saint-Exupéry A. de. Œuvres*. Moscou: Édition du progrès, 1967. P. 345).

³ «Солнце! Разум пылающий всходит. И я в нетерпенье жду его наяву и во сне...» (*Аполлинер Г. Рыжекудрая красавица // Аполлинер Г. Стихи / Пер. М.П. Кудинова*. М.: Наука, 1967. С. 147).

бы разрешить затянувшуюся распрю между традицией и «обновлённым вдохновением», Гийом Аполлинер пробовал, искал и «наяву и во сне» ждал восхода «пылающего Разума»³.

Путешественники

Рассказ

*Мы всходим на корабль,
и происходит встреча
безмерности мечты
с предельностью морей.*

*Бодлер III. Плавание.
(Пер. М. Цветаевой)*

Какое прелестное время! Ни самоотверженной пахоты, ни мучительного выяснения смысла жизни, ни поиска денег... Не надо гробить сердце, исправляя отношения между участниками очередного проекта. Не нужно пить для создания атмосферы доверия или демонстрации близости взглядов и идеалов. Лишнее – заводы и пароходы. Яхты, корпоративы и гламурные тусовки – тоже ни к чему. Повывелись и мелкие проблемки, часто переполнявшие критическую массу негатива. Мелькнёт на минутку «носитель проблем» – куда без них – прикоснёшься... Это, наверное, как у хорошего токаря, вышедшего на пенсию, – обязательно вернётся на завод, только чтобы вновь и вновь вдохнуть запах свежей металлической стружки...

В остальном – сплошное благоденствие! Уже давно созрел и оформился ясный и, по-моему, заслу-

женный образ жизни. Ни за что на свете не хотел бы стать моложе ни на двадцать, ни на тридцать лет! Сейчас я точно знаю, что мне нужно и без чего могу прожить.

Я и Масик – маленький пёсик, джек-рассел-терьер – весной и летом живём в Маноле. Есть такой посёлок на Карельском перешейке около Питера, появился на берегу Балтийского моря ещё в тринадцатом веке. Каждый день гуляем вдоль залива, взбираемся на огромную гранитную глыбу, похожую на постамент к Медному всаднику, и любимся каменистым берегом, островами напротив и водной гладью пролива Бьёркезунд, над которой, израстая в прожилках заката, чуть дышат лучики заходящего солнца. Придём домой – на поляне подстриженная травка, цветют черешня и яблоня, потом сирень, а чуть позднее жасмин. Тут посидим, там... На веранде устроимся в кресле. Чай с бергамотом... На коленях у меня Масик лижется, пытается что-то сказать, поделиться радостью. Ни тебе комаров, ни жары, ни ветра. Впадаем в полудремоту. Если на море шторм, его не чувствуешь, только гул слышен и верхушки деревьев колышятся. А на усадьбе благодать! Свет вырубят – включится генератор. Температура упадёт – заработает котёл на соляре. Баня нужна – пожалуйста! Через час можно париться. Вздумалось еды купить? Садись в авто, и через пять километров Приморск. Нужен город побольше? Ради Бога! Сорок минут и нате вам – Выборг, единственный в стране средневековый западноевропейский город, не считая калининградский анклав. Да и до Питера недалеко.

Только уезжать не хочется. Придётся Масика оставлять одного часа на три-четыре. Понятное дело – мой эгоизм. Ему ведь и так, и этак хорошо. Бегает себе

по полянке, ворон гоняет и в ус не дует. Устанет – заберётся на диван и дрыхнет. Вот и сейчас храпит. Да так громко! Но я точно знаю, стоит только встать, и он вмиг проснётся, поднимется на свои коротенькие лапки и кинется бежать к любимому мячику. Найдёт его где-нибудь под ёлкой и смотрит, не иду ли я с ним поиграть. А ещё он знает, что на этом шарике приятно на спине кататься. Уляжется и ворочается из стороны в сторону, пока мячик из-под него не выскочит.

Но если я надену через плечо сумку с документами... Всё! Ни за что не отпустит. В дом не заманить, поводок не прицепить. Пробовал прятать сумку. Он всё равно её чувствует. Хоть в карман засовывай, хоть в мешок полиэтиленовый. Раньше я поводок пристёгивал перед калиткой, мол, гулять собрались. Открывал её, походим минуты две и возвращаемся обратно. Заводил пёсика в дом, закрывал двери и делал, что хотел. Теперь всё не так! Он постиг мою хитрость и стал мудрее, нигде не даёт подойти. Теперь я просто сажусь в машину и еду к воротам. Он, конечно, за мной бежит и лает. Ворота сами открываются, я выезжаю...

Скажите: «Ну ты простой!» Так и есть. Ещё год назад Масик неотвратимо убегал. Ищи, лови его по всей Маноле! Теперь – «высокие технологии»! Выехал за ворота, а там специальная площадка и она огорожена другим забором. Он почти невидимый и без единой дырочки. Выхожу, выключаю мотор, возвращаюсь через основные ворота. Пёсик – за мной. Если не выключить мотор, останется у машины. Идём вместе метров десять. В это время ворота сами закрываются, а я, подлый такой, ухожу через калитку. Через неё ему со мной не проскочить. Да он и не

пытается! Пробовал сто раз. Стоит тихо, хвост поджал, представляет все нюансы последствий моего слова «ждать». В общем, опять обманываю малыша. Обманщик! Самому гадко. Ну почему же обманщик? Я ведь честно сказал ему: «Ждать! Магазин. Приморск». И машину я теперь стараюсь вывозить за ворота заранее, ещё утром, пока он спит...

Зато когда возвращаюсь, его мордочка обязательно торчит из-под ворот. Ждёт! Такое чувство, что он вот так сидел всё время и ждал, выглядывая время от времени. Жалко! Проросли друг в друга... Потому всегда тороплюсь к нему или просто никуда не выезжаю и питаюсь пельменями.

Постепенно подкрадывается осень. Октябрьский солнечный свет пробивает листву, и та, спадая с наших берёз и клёнов, безучастно плывёт в прозрачную синеву морозного неба. И кажется, что всё ярче и ярче становится свет, сильнее блестит всё кругом, и мокрые листья, упоенные светом, спорят с лазурью небес живым блеском своих тёплых красок. Но такое впечатление, что после этого путешествия посадочная полоса для них всегда у меня на поляне. Если ночь была холодной, то она на хрупких паутинках, что появляются на нижних лапах елей. Основная же круговерть листвы усаживается на траве. Убирать граблями – пустое дело! Во-первых, Масик постоянно ворует у меня всё, что положишь на землю. А во-вторых, час-другой собираешь листья в кучу, наконец травка зелёньенькая появляется... Теперь забраться бы в кресло да любоваться, как летом бывало. Пока ещё земля дышит, листья пахнут и деревья не заснули... Не тут-то было! Тотчас мелкий, мокрый снег выпадает и покрывает дырявым белым покрывалом всё это благолепие.

Короче, пора собираться к родным, в тёплые страны. Лебеди вон каждый год из нашей Коровьей бухты улетают в Южную Африку. Ну и мы тоже... Только не с ними, конечно, а поближе, на юг Испании или Франции. Сходим последний раз туда, где белые красавцы всё лето обитали, попрощаемся, и – до встречи в следующем апреле!

* * *

Сначала мы покинули каменистую Карелию, холодную ветреную красавицу с густо покрашенными и вечно заплаканными ресницами елового леса. Неделю назад, вдоволь насмотревшись сцен очередной каталонской «революции», бросили облицованную красивым камнем карнавальную блондинку Барселону. Но, как говорится, тренд сохраняется. После стольких лет пребывания в неопределённости кризисных проектов влечёт к чему-то достоверному и прочному. И это, заметьте, не молоденькие Альпы, а мудрые Пиренеи!

Попробуем пребывать вблизи гор в постоянной рекреации и вне каких-либо архитектурных излишеств – пусть и прекрасных, но всё же искусственных городских построений. Только листочек, ветерок, глыба камня да пик Канигу (*pic du Canigou*) вдали... Надо сказать, мы довольно быстро привыкли существовать в пространстве, где «искусственное» осознанно изгоняется. Всё хорошее и приятное приходит в нашу жизнь неожиданно. И это могут быть даже самые незначительные, на первый взгляд, вещи: пение птиц в саду или луч солнца, который пробивается в комнату через приоткрытые шторы...

Сегодня проснулись от стука в окно. Оно на втором этаже, однако... На юге Пиреней в осенне-зим-

нюю трамонтану в домах всегда стучат ставни. Ветер тридцать метров в секунду, и он непременно оторвёт их крепления от стены. Но вчера ветра не было. Да и вечером небо было чистым, без предвестника трамонтаны – закрученных в спираль облаков, окрашенных ярким красно-синим цветом со зловещим фиолетовым отливом.

Не задевая вытянувшегося вдоль кровати Масика, я поднялся и направился к окну.

Три симпатичные пташки с длинными носами и в перьях цвета тех самых облаков, что появляются перед сильным ветром, сидят на подоконнике в ряд и по очереди бьют клювами по стеклу. В маленьких глазках читается только одна цель – тупо стучать! У моего четвероногого приятеля тоже чаще всего одна эмоция на мордочке, но их много, время от времени они меняются и все такие разные! Непрошенных гостей можно понять: снаружи в полумраке комнаты чуть видна кровать, там незнакомцы, и они спокойно спят... Пернатым интересно. Ведь нет ничего таинственней сумрачного окошка. То, что увидишь при солнце, слишком заметно...

Пока безветрие, птицы всё утро трудились, опыляя лимонный каллистемон, а эти пришельцы, за окном, дрыхнут, как ни в чём не бывало. «Явно не наши! – тревожно запищали те, что отдыхали, восседая рядом на кусте мимозы, и многозначительно уточнили: – ну, точно не из нашего семейства колибри. А кто тогда? – В их голосе сразу послышалась знакомая интонация одного из персонажей „Семнадцати мгновений весны“. – Лежат, ничем себя не выдают. Видимо, что-то затевают и хотят быть кристально чистыми. А что в таком случае они затевают?» Не находя ответа ни на один из вопросов,

любопытные пернатые решили разбудить и прямо спросить непонятных бездельников.

Я раскрыл окно. Настойчивые дознаватели вмиг упорхнули. В комнату ворвался запах цветущей австралийской мимозы и ярко-красных торчащих в разные стороны тычинок каллистемона. Этакие «ёршики для мытья посуды»! Издали чем-то напоминают кусты рябины...

Масик проснулся, вылез из-под одеяла, потянулся, сразу всё понял, в два прыжка оказался у окна, встал на задние лапы и, опираясь передними о подоконник, вытянул морду. Зажмурив глаза, он сильно потянул носом, открыл один глаз, потом другой, покосился на меня. За окном никого не было. Удивился, брови «домиком», как у Шарля Азнавура... «Улетели? Испугались! Не иначе... А то бы я им всем задал! – как видно, мелькнуло в голове у пёсика. – Вот так каждый день! – подумал он, сразу нахмурив брови, – что-нибудь да обязательно произойдёт непривычное! А чего вы хотите? Чужбина... Туризм...»

Да, это что-то новое в нашем с Масиком туризме! Искать отличия в городках французского Лангедока-Русильона. В этом городке или в другом, в двадцати минутах езды и почти таком же. Ну, не совсем, конечно! В Амели-ле-Бен-Палальда (Amelie-les-Bains-Palalda) горы ближе и как-то все вокруг расположились, а в Лярок-дез-Альбер (Laroque-des-Albères) дороги в центре страшные, спуски аж под сорок пять градусов! Я даже остановил машину перед таким обрывом: «Неужели это дорога?» Сзади тотчас загудели привыкшие аборигены. А горы здесь видны, только если сам на гору влезешь. Так же, как море в Премья-де-Дальт (Premia de Dalt) – барселонском

«Сестрорецке». Но когда «лезешь», вернее въезжаешь на гору, тут и там видишь миленькие норки в застроенном ландшафте. Это украшенные изящным деревцем или цветастым кустом воротики на входе, а за ними лесенки куда-то вверх и в сторону. Склон горы вдруг изгибается и образует подобие уютной расщелины. Любой естественный природный излом изобретательные каталонцы используют для украшения прохода к своему жилищу. На равнине всё иначе. Здесь горы видны все сразу и из любой точки. Даже пик Канигу кажется то ли выше, то ли ближе! Будто ты уже у его подножия, в Верне-ле-Бен (Vernet-les-Bains). Пра-де-Молло-ла-Прест – слишком далеко, дорога извилистая, как в Андорру, без «Драмины» не обойтись. Особенно тяжело, если свернуть к симпатичной деревушке Серралонг. Масик начинает жалобно попискивать. И ещё, всё время ощущаешь, что вон там, за поворотом, уже Испания... Когда возвращаемся в Сере (Ceret), вдоль прямой дороги мелькают деревья бесконечных садов черешни. Вот бы посмотреть на них в апреле во время цветения или в мае, когда проводится ежегодный фестиваль черешни (Fête de la Cerise)!

Спросите: «Что за напасть, гонять по этим городкам?» Изучаем новые места для будущей зимовки. По своей прошлой работе я привык не уменьшать количество возможностей. Это уже тяжело. Неистовое желание махнуть рукой и что-то выбрать. Но чтобы их ещё и увеличивать! Да, неблагоприятное, надо сказать, занятие! Ведь уже прошла неделя жизни в Сере, закрепился набор приятных эмоций. Он неминуемо отгоняет конкурентов. Любое вмешательство выдавливается куда-то в иное измерение, и его попросту не различаешь.

Приятные эмоции... Это не те, что связаны с комфортом или удовольствиями. Скорее, здесь результат какого-то преодоления или контраста с чем-то привычным. Это как в Маноле. Там всё выстроено и выстрадано годами. А человек всегда до последнего цепляется за старое, страшась перемен больше, чем привычных тягот и горестей. Но перемены, с чего бы они ни начинались, почти всегда приносят хорошее. Особенно когда ты готов это увидеть и принять. «Самое главное, – как поётся в известной песне о Маленьком принце, – сказку не спугнуть! Миру бескрайнему окна распахнуть!..»

Такие же ощущения победителя были у меня в Цюрихе в начале девяностых. Переговоры один день, а самолёт обратно в Питер только через пять дней. Вот и ждал почти неделю без денег, радуясь маленьким удачам. То дешёвого пива выпьешь вместо обеда. То всюду преследующий тебя запах пережаренного масла приведёт к свежеиспечённой и ещё горячей воздушной кукурузе... Набьёшь ею живот, потом запьёшь непривычно чистой водой из-под крана... Чудо! Ляжешь на берегу озера... Благодать! Бывало, умудрюсь на вокзале купить и пива, и сосиску. Вот счастье-то! А попробуй в том же Цюрихе войти в трамвай. Не выйти! Это и дурак здешний сможет. Тут всё загадочнее. дождался симпатичного трамвайчика? Теперь нужно успеть совсем незаметной кнопочкой снаружи заставить открыться дверь. Пока поймёшь, пока увидишь её... Зайдёшь, а там ещё сложнее. Билет придётся штамповать. Да не просто так! Тут Швейцария, немецкий кантон! Несколько раз придётся бумажный билетик аккуратно сложить точно по пунктирным линиям. Не нравится? Поезжай в Женеву или Лугано!

К чему это я? Да всё к тому, что туризм и конкретное бытие – суть вещи разные! И когда осознаёшь, что сподобились выжить без гида и полного пансиона, – радость обуревают неумяная. Тогда и большие собаки не помеха, и местные красоты ярче кажутся! Не устаём любоваться.

Так вот, в Саре мы уже намучались, много чего знаем и умеем. Где, что и почём покупать, чтобы поесть? Где гулять и не встречать злых собак? Масик обязательно будет на них лаять, а потом всякий раз вставать передо мной на задние лапы и спрашивать: «Здорово я её? Ты не бойся. Со мной не пропадёшь!» Важно знать: где чинят авто, а где только прикидываются? Где можно подстричься, не рискуя остаться с модным здесь советским «полубоксом» на голове? Простейшие вещи: заправить автомобиль, подкачать воздух в шины, купить нужное масло и долить его в мотор – события, в общем-то, ерундовые. А попробуй-ка тут! Едешь, а безразличный женский голос из Гугла всё время опаздывает, и непонятно: она про съезд на этом круговом перекрёстке говорит или уже про тот, что впереди. Но у этого нет третьего съезда!? Тем более противно, если на табло вдруг загорается гнусная *жёлтая маслёнка с капающим маслом...*

Есть и хорошие места. Мы без ума от маленького магазинчика на улице Сен-Фереоль (rue St.-Ferreol) с трогательным названием «Пьяный от книг» (“Ivre des livres”). Здесь Масик всегда получает добротный бутерброд от хозяина, а я за три евро покупаю очередную потрёпанную книжку восемнадцатого века издания. А почта! Такой контраст с Главпочтамтом Питера! Там, помнится, год назад заставляли адрес свой и получателя царапать шариковой ручкой или

химическим карандашом сначала на дерюге, потом на картонке, где ручка то и дело её протыкает, и ещё зачем-то на бумаге... А тут продали тебе на наши деньги за пятьсот рублей красивую картонную коробку для посылки в пять килограммов. На ней крупно синим по белому начертано, что груз поступит адресату в течение 48 часов. Написал я в углу на коробке в специально отведённом месте адрес, а работница почты провела пальчиком и ловко вынула из-под этой надписи тоненький листочек. Оказывается, он там где-то уже был и ждал, когда на нём проявится то, что я написал. Прикоснулась печаточкой почты, и вот вам, пожалуйста, квитанция! А платить? Так уже заплачено! За коробку... И, наконец-то, поехали мои книжечки в библиотеки Парижа и Перпиньяна. Из другой страны не пошлешь. Издательство петербургское пробовало. Во Франции введено «ЧП», из-за границы посылки не доходят.

Да, здесь всё по-иному. Взять, к примеру, местную библиотеку. Вход свободный. Никакой регистрации! Всё находится в памятнике тринадцатого века, в «Воротах Франции» (Porte de France). Приходи, выбирай, бери, читай. Решился я им свои три книжки на французском языке подарить. Смотрю, пять женщин меня и пёсика окружили и лопочут одновременно. Прямо как испанцы! Читатели, что сидели кто на диване, кто в креслах и листали газеты, тоже встали посмотреть на диковинку. Целый писатель, прямо из России, с собачкой на поводке, дарит им свои книжки на их языке, да ещё про их же поэтов... А я чувю, что-то они хотят. Но что? Я ведь могу только с одним человеком говорить. Если их несколько – ничего не выйдет! Не все одинаково понимают то, что я умудряюсь произносить, а уж я их – и по-

давно. Масик это сразу подмечает, начинает зевать и на собравшуюся публику уже не обращает никакого внимания. Выискал я одну женщину, медлительную, рассудительную, в очках, и давай ей втолковывать... А она – мне. Наконец уяснил! Нужно написать, что эти книги – «дар библиотеке». Я знаю слово «подарок», а они всё одно твердят: “Don, don, don...”. Но я ведь и так «даю»... В общем, нужно с одним говорить! Отработанная технология. Так было и на почте, и в агентстве по недвижимости, и у хозяев съёмной квартиры. Там муж меня выслушивал, а потом переводил супруге.

Вообще, здесь, в Сере, всё инфицировано живописью. Волей-неволей заразишься. В многочисленных галереях работы современных художников. В местном музее, конечно, есть и Пикассо, и Шагал, и Дали... Они тут жили, творили каждый в своё время и, естественно, кое-что оставили понравившемуся городку.

У витрины одной из галерей Масик остановился и завилял хвостом. За стеклом висела репродукция картины Ван Донгена «Женщина в красной шляпке»... Мы влюбились в неё одновременно! И пошло-поехало! Нашёл в “Ivre des livres” 25 томов «Истории живописи» (“Histoire générale de la peinture”). Забыв про всё на свете, погрузился в чтение. Долго, не помню сколько, рассматривал репродукции картин разных художников и пытался понять, почему и как в зависимости от стиля и течения буквально за полвека меняется их восприятие женщины. И только Масик, начиная лизать моё лицо, возвращал меня в реальность. Выныривая из омута густо окрашенных потоков различных направлений европейской живописи, мне приходилось снимать очки,

протираешь их и рассеянно оглядываться по сторонам... Надо же! Куда-то подевались проститутки Лотрека и треугольные женщины Пикассо? А где вытянутые головы и чёрные глаза героинь Модильяни, точки, точки и ещё раз точки Сёра? Ни тебе импрессионизма с его игрой светом, ни тяжёлых мазков экспрессионизма! Наконец-то исчезли аллюзии сюрреализма Дали и отвлечённые формы абстракционизма Кандинского и Малевича...

Перед глазами только унылая мордочка моего приятеля, уже успевшего изрядно соскучиться и проголодаться.

Я появлялся с Масиком всюду. Сначала влюбляются в него, а потом, глядишь, и к хозяину позитив испытывают. Правда, в «Каталонские пироги», что напротив книжного магазина, не рискнул с ним заходить. Там такой запах, что не оттащишь ни меня, ни его.

А как приятно бродить по центру Сера после девяти вечера! Никого! Будто это только наш городок. Домов и памятников старины почти не видно. Подсветка жёлтая, приятным теплом тебя обволакивает. Тишина! Только платаны, что раза в два выше домов, шумят на ветру своими кронами. Ну как у нас в Маноле, если ветер с залива. Честное слово! Ведь и утром, и днём здесь гуляли, всё сооружения XIII века рассматривали много раз... Ан нет! При дневном свете совсем другое дело. Слишком приторно. Мы чересчур уж привыкли к унылому тону окружающей нас картины маленького городка, и взгляд наш уже скользит по её поверхности утомлённый и равнодушный. Хочется смотреть именно вечером. Да и Масик в сумерках не теряется, делает все свои «дела» прямо на камушки, что аккуратно выложены вокруг старых, лысых платанов.

К ночи, как повелось, заходим в зоомагазин (Animundis). Маська сразу исчезает в дебрях многоэтажных полок с мячиками. Я же начинаю обольщать галантными фразами на смеси европейских языков молоденькую продавщицу родом из Барселоны. На нашем «французском» мы легко понимаем друг друга. Правда, я частенько называю вместо “truite” – “forel”, а вместо “quartier” – “kvartal”. Но зато лихо получается, и с юношеской «наглостью».

* * *

Как без бани, если вот уже тридцать лет каждую неделю ходишь париться? А никак! Заболеешь! Организму не будет хватать усиленного кровообращения. Пришлось изучать, искать в интернете, где в округе имеется хотя бы некое подобие бани. Нашёл. Звоню. Не снимают трубки. Написано – работают с 10.00. Цены, время, массажи – всё указано. Отправился один. Как чувствовал: «Не нужна им баня!» Врут! Ехать-то недалеко, но противно: какие-то грунтовые дорожки, кустики цепляют авто, не видит спутник, почти всю дорогу молчит индифферентный женский голос. Приехал! Проснулась гугл-тётя: «Вы прибыли в место назначения». И что же? Ни машин, ни народа, ни услуги... Никого! Хочешь не хочешь, а сразу вспомнишь, что ещё в 732 году под Пуатье дедушка Карла Великого остановил, а потом сподобился и вовсе прогнать отсюда арабов. У тех-то баня – святое дело!

Сегодня опять нет жуткой трамонтаны. Посему решили мы съездить в Перпиньян, купить французскую симку, а заодно полюбоваться нашим будущим жилищем. По испанской симке можно звонить без роуминга, но интернет говорит «ку-ку» уже

через неделю. Нашли квартал, где будем обитать почти весь январь. Вокруг одни писатели! Я имею в виду улицы с их именами. Так и пахнуло школой! «В своих произведениях они высмеивают лень, невежество и безжалостно бичуют человеческое лицемерие...» Кто они? Бальзак, Перро, Мольер, Монтань, Ростан.... Придётся там что-нибудь воспеть. А то как-то... *ne comme il faut!*

Так вот, жду я, значит, симку французскую. Здесь её ждут, тебя учитывают в невидимой очереди, а потом зовут. Смотрю, полиция подъехала к моей машине. Вышли и расхаживают вокруг неё, да все такие напряжённые... Я, естественно, предстал перед ними и, поправив на шее изящным движением шарф цвета хаки, изрёк на чистом французском:

– Чего такое?

– Нарушаете, – отвечают. Дальше у них было много слов. Понял процентов десять. Но смысл уловил. Оправдываясь, сразу отмечу: забавный южный французский хуже понимаю, чем парижский. И ещё отвык... В Сере, по-моему, нет ни одного полицейского. Саму полицию-то видел, но чтобы оттуда кто-нибудь выходил... По отработанной ещё в Маноле схеме я показываю им Масика. Это для начала. Мол, он хороший. Тот наклоняет голову, на морде улыбка и виноватые глаза. Следующее действие: достаю из широких штанин... книжечку свою на французском, сажусь на водительское сиденье и выписываю «товарищам» в форме «благодарность за службу». В общем, всё как обычно, как у Жванецкого: «Терпят, берут, не читают, ждут, когда новые поколения оценят».

Однако парковка была запрещена. Это раз! Документы даже не спросили – это два! Смею предположить, сработал ряд факторов. Улыбка Масика,

испанские номера, ну и без книжицы с чертовски привлекательной обложкой не обошлось. Там моя физиономия и ещё какая-то картина Клода Моне...

Итак, Перпиньян. Не искушая местных блюстителей порядка, машину оставили на платной стоянке и отправились путешествовать по городу. Терпеть не можем это занятие. Тоскливо – дома, магазины, толпы людей! Мелькнёт что-то интересное, и снова бутики, кафе, отели... Побывали около Кастилет (Castillet) – в своё время городские ворота и тюрьма. Дошли до площади Франсуа Араго (Place François Arago). Это, между прочим, физик и астроном. Если кто подумал, что писатель, таки нет. Писатели его братья – Жак и Этьен. С набережной Себастьяна Вобана (Quai Sébastien Vauban) – был такой в XVII веке маршал и инженер – долго любовались двухъярусными набережными маленькой речушки под названием Басса. Их можно созерцать бесконечно! Тенистые каштаны выстроились вдоль пешеходной дорожки, ниже, на уровне реки, разноцветные и различной формы клумбы с розами и розмарином. Масик всё норовил к ним спрыгнуть! Нельзя! Где-то читал, что это самая красивая набережная в мире. По правде сказать, сомневаюсь, но действительно красиво. А вокруг празднуют Рождество! Иллюминация, бутики, всюду запах кофе, круассанов, жареных каштанов и маринованных оливок...

Решили дотопать до Дворца королей Майорки. Долго уговаривали друг друга. Понимаем, что это самая важная местная достопримечательность, но далековато. Если через исторический центр – минут двадцать займёт. Но мы настоящие герои и вдобавок к цели всегда идём в обход, с тылу. Потому что обожаем мелочи! Они как лакмусовые бумажки,

говорят о многом. Масик всегда сначала облизывает тарелку с краю и только в самом конце принимает-ся за основной кусок.

А что дворец? Сразу было предчувствие чего-то большого и закрытого. Забегая вперёд, скажу: так и есть! Большое и почти всегда закрытое.

Чем чреват шаг влево или вправо от разукрашенных улочек туристического маршрута? Правильно! Грязью, помоями, обшарпанными домами, бельём на окнах... Тут и там слышится вовсе не французская речь. Никто даже не помышляет погладить моего пёсика. Лица все встречаются озабоченные, суровые. Будто попали в далёкие времена Столетней войны. Наконец вырвались! Перед нами огромная стена. Идём-идём вдоль неё. Нашли кое-как вход. Конечно, всё закрыто и даже духу человеческого рядом нет. Мы одни такие идиоты! В общем, обошли всю стену. Это и есть для нас «Дворец королей». А что? Зато какая-никакая тайна города осталась. Но чувство всё-таки неприятное.

Чтобы вернуть потерянное ощущение праздника, вновь прошлись по разукрашенным улицам, зашли в кафе, выпили эспresso с круассаном. Правда, Масик любит, если кусочек обмакнуть в капучино. Ну, ничего! Понюхал, пососал и слопал за милую душу. Кафе небольшое, миленькое, напротив статуи женщины с поднятыми руками – шедевр скульптора Аристиды Майоля (Aristide Maillol). Мы её называем: «Голая тетя без весла». Хотя это наверняка Дина Яковлевна Айбиндер – муза Майоля в последние годы его жизни.

Сегодня вообще одни открытия! В районе Ле Платан (Les Plananes), за Дворцом конгрессов (Palais de Congrès), обнаружили коротенький проезд

Мориса Трентиньяна. Французский гонщик и, между прочим, дядя известного актера Жана Луи Трентиньяна. Помните фильм 1966 года Клода Лелуша «Мужчина и женщина»? Там Жан Луи тоже был гонщиком... Нашли-таки, в честь кого назван бульвар Жана Бурра (Jean Bourrat). Случайно, надо отметить! Добрались до местного рынка – не могли же мы его пропустить! Там бульвар Фредерика Мистрала (Frédérique Mistral). Такой же, кстати, есть и в Барселоне. Это Нобелевский лауреат по литературе 1904 года. Смотрим, а рядом стоит памятник. Думаете Мистралу? А вот и нет! Тому самому Бурра. Оказывается – депутат. Хм?! Масик, верный своему долгу, в обязательном порядке почтил своим вниманием монумент народному избраннику...

Дальше – больше! Узнали, что рынок в Перпиньяне ежедневный и находится совсем близко от нашего будущего жилья в квартале с улицами писателей. Вот здорово! Обожаем бродить вдоль торговых рядов со всякими вкусностями. Есть, конечно, вредно, но хотя бы попробовать... Просто вдохнуть аромат горячих чуррос или свежекопчёной колбасы, полюбоваться играющими на солнце капельками жира, стекающими с румяных свиных рёбрышек на гриле... А как приятно от одного только вида нарезанного рубца с хреном ощутить во рту лёгкий холодок его ломтиков сначала со сладковатым, а потом острогорьким колючим привкусом! В Сере рынок работает только по субботам.

Раз такое везение, на радостях решил я поискать себе модные брючки. Такие узенькие... В Барселоне мы однажды увидели их на витрине. Не было моего размера. Масику не стал ничего объяснять – начнёт выпрашивать новый мячик. А где в городе с ним

бегать? Отправляясь на поиски, в знак особого уважения, сразу после рынка свернули в «квартирчик писателей».

Очутились на улице Ростана, потом Бальзака, затем Мюссе, Перро... Ну, я их уже всех называл. Вдруг осенило: «Как всё задумано! А? Вот что значит с умом!»

Все проспекты, переулки и проезды с односторонним движением. Несмотря на кажущуюся безалаберность, они расположились здесь, не мешая друг другу и, начиная от бульвара Бурра, в хронологическом порядке. По обе стороны квартала «молодёжь». Самый конец позапрошлого века – Пьер Лоти с его колониальными романами и Эдмон Ростан с его «Сирано де Бержераком». Неоромантизм. На перекрёстке с улицы Ростана сворачиваем вправо. Попадаем к Оноре де Бальзаку. Его «Человеческая комедия» – это уже середина девятнадцатого. Улицу основоположника реализма в европейской литературе ненавязчиво пересекает другая, она чуть поуже и носит имя Альфреда де Мюссе. Романтизм. Писал лет на двадцать раньше Бальзака. Постепенно переходим в XVII век, на площадь Мольера – основателя классической комедии. От неё вдоль высокой крепостной стены в разные стороны тянутся улицы с именами Шарля Перро, Жана Расина, Пьера де Ронсара и Мишеля де Монтеня. С первыми двумя вроде бы всё ясно! Перро написал свою «Золушку» в самом конце XVII века, Расин же – один из трёх выдающихся драматургов Франции – сотворил свою «Федру» в середине века. Кстати, почти в то же время, когда писали два других – Жан Батист Мольер и Пьер Корнель. А ещё, я вдруг вспомнил, с именами этих трёх драматургов всегда ставится ря-

дом Николя Буало, современник и Корнеля, и Мольера, и Расина. Он, между прочим, первый сформулировал законы поэзии. Но улиц с именем Корнеля или Буало мы не нашли, как ни искали... Масик во все дворы забегал – может, какой переулочек хотя бы попадётся ! Их бы вместо «Ронсара» или «Монтеня»! Против этих двоих и их творчества я ничего не имею. Даже наоборот! Но, право же, так было бы справедливее и логичнее. Один из них эссеист и больше философ, чем писатель, а таких и вокруг нашего кварталчика предостаточно. Там и Монтескье, и Декарт, и даже Раймонд Луллий... Второй, Ронсар, хоть и поэт, но поэзия его, как писали современники, была уж слишком «подавлена учёностью». Почти триста лет о нём не вспоминали, и на тебе! А потом будут говорить, что в «писательском кварталчике» Перпиньяна не нашлось места ни третьему драматургу, ни примкнувшему к этой великой троице теоретику классицизма, тому, кто всем им помогал в борьбе с безжалостными ретроgrадами.

По моему разумению, здесь имеет место явное упущение! В целом же, как ни говори, а хронологическая последовательность расположения улиц соблюдена. Это главное! Ведь Ронсар и Монтень – уже XVI век! И то правда, что может в себя вместить маленький кварталчик в центре города? За три века французской литературы и десятка имён не набралось! Только Пьера Корнеля жалко... Я монолог Сида на французском помню... Наизусть!

А над крепостной стеной, огибая сверху весь квартал, протянулась широкая магистраль имени Франсуа Рабле. К ней от площади Мольера, как бы восходя к позднему Средневековью, ведёт широкая Монументальная лестница (Escaliers monumentaux).

Вот тут сделали всё правильно! Достойное место для улицы имени того, кто заложил основы всей европейской литературы!

Вышли мы на площадь Мольера. Тихо, нет ничего. Она хоть и маленькая, но чем-то ласковым напоминает вечерние улочки Сере и одновременно не то сад, не то парк «Платаны», что вытянулся рядом, вдоль бульвара Бурра. Вокруг неё и даже посередине огромные деревья. Оказавшись на просторе, Масик тотчас принялся усердно гоняться за разноцветными листьями, то и дело поднимаемыми с асфальта внезапным порывом ветра и уносящими-ся ему вслед...

Приятель довольно быстро уgomонился и взобрался ко мне на скамеечку. Сидим, любимся волшебными «водоворотами» ярких листьев, а я вдруг принялся вспоминать монолог Сиды. Приучаю Масика к мелодии французского стиха. Благо ни Корнеля, ни улицы с его именем рядом нет. Глядь, а из переулочка Шарля Перро, как из сказки, выходит барышня с собачкой. Мой товарищ – ноль внимания! Никакого желания демонстрировать какую бы то ни было озабоченность. Весь в литературе... Собачка, тоже джек-рассел, подбежала ближе, хвостиком вильнула... «Ну это уже слишком! – вставая на свои коротенькие ножки, подумал Масик. – Я в искусстве, понимаешь, а эта... Гав! – громко вымолвил он и повторил вполне определённо: – гав, гав...»

– Тося, Pour moi! Не приставай!

– C'est joli! – только и произнёс я, услышав непривычную смесь французского с русским, и, предчувствуя удачу, размышлял: «Потом, „скуки ради“, будет с кем поболтать. Может получится неплохое эссе! Эдакие непрехотливые извивы чувств...»

Девушка в «моём» шарфике цвета хаки, в коротенькой белоснежной курточке, с золотистыми прядями каштановых волос, спадающими на плечи, мельком, взмахнув ресницами, взглянула на нас и тотчас отошла в сторону. Потом присела на корточки и принялась двумя пальцами теревить щенка. Продолжая игру с собачкой, она встала, хлопнула в ладоши, щенок перевернулся на земле и отбежал в сторону. Милая шатенка тоже побежала, на мгновение обернулась, сверкнула улыбкой на живой шарик, едва поспевавший за ней, потом на Масика, и будто Золушка, исчезла так же быстро, как и появилась...

Видимо, затерялась где-то во дворах улицы Мишеля Монтеня, главного эссеиста всех времён и народов. Это он впервые, ещё до меня, попытался говорить сразу обо всём и ни о чём, не имея предварительной темы, жанра, идеи, но как бы пробуя себя и в том, и в другом, и в третьем.

Мы успокоились, поднялись по лестнице и уверенно шествуем по улице Франсуа Рабле. Снизу, как на ладони, весь квартал, куда через неделю переедем из Сера. Приятное ожидание скорой встречи и с ним, и с симпатичной дамой, и с её собачкой переполняет нас. А открытие новой закономерности в местном градостроительстве просто, я бы сказал, вызывает заслуженную гордость... И всё-таки кажется, что чего-то не хватает. Что-то ещё не сходится в этой череде знаменитых имён. Проходим мимо церкви Святого Якова (église Saint-Jacques)... Так и есть! Упираемся в маленькую неприметную улочку с именем ещё одного Франсуа – Франсуа Вийона!

Как же без него?! Перро и Рабле вообще от Вийона не оторвать! Первый похоронен был в Париже

у «неправильно повёрнутой» церкви Сен-Бенуа-ле-Бетурне (église Sait-Benoit-le-Betourne), где долгое время у своего дяди-священника жил Вийон. А второй – единственный, кто в самом объёмном литературном памятнике эпохи Возрождения – «Гаргантюа и Пантагрюэле» – вспомнил о своём тезке, первом французском лирике позднего Средневековья. Через сто лет после его исчезновения...

В общем, куда ни глянь – сплошь лирики и сатирики, чудесная девушка с собачкой, создатели классической комедии, и «Человеческой», в частности.

Да и мы с Масиком тоже весёлые ребята, чудеса и сказку любим. Но нам главное – их не спугнуть! Приятно, конечно, читать названия улиц, вызывающие ностальгические воспоминания о школьной юности! Но придётся-таки на время покинуть полюбившееся местечко. Мы же брючки модные ищем! Вернее, я... Обогнули квартал по бульвару сначала имени какого-то артиста, а потом «нашего депутата». Дотопали до кафедрального собора Святого Ивана Крестителя (Cathedral Saint-Jean Baptiste), а после и до Кастилет. Шли-шли... Всё бутики и бутики! Опять забрели в кафе.

На этот раз совсем простую кафешку. Ничего нет, только пластмассовые столы и стулья прямо на площади. Выпил я непонятный кофе из бумажного стаканчика. Круассанов не дают. Масик сидит на соседнем стуле хмурый, глазееет во все стороны, должно быть, собак высматривает. Вижу, снова какая-то девица уверенной поступью продвигается в нашу сторону. Понятное дело: здесь народу хоть отбавляй, всякий захочет погладить моего Масика. Последние минут десять все так и льнут к нему, так и льнут.

Однако джинсики на девушке изумительные! Я не выдержал, привстал, приподнял руку и пошевелил пальчиками, как бы приглашая. Дальше неинтересно. Девушка, оказалось, шла к своему парню, что сидел у меня за спиной. Масик, кстати, все сразу учуял, а мне не сказал и даже не смотрел на молоденькую француженку. Вот он какой! Я не сказал ему про брючки, а он – про лысого парня со стильной эспаньолкой. Но не всё так плохо и бесполезно! Зато милая девушка подсказала, где купить такие же брюки, как у неё. Только не подумайте, что они от Пьера Кардена. Мне такие ни к чему, потому как они дорогие. Буду вынужденно меньше тратить на еду, похудею, брюки станут сваливаться... Смысл? Вы согласны со мной?

По дурной привычке, померив, не стал снимать с себя понравившуюся попку и отправился к кассе. А Масик меня останавливает, не пускает. Не послушался его призыва, а зря! Уж мне досталось! Продащицы минут десять по очереди, почему-то краснея, усердно загибали вверх все мои рубашки и футболки, снимали этикетки и приколотые к поясу брюк всякие пластмассовые фитюшки... Умудрялись своими нежными ручонками залезать внутрь и отыскивать там ещё что-то для них, видимо, очень важное...

Однако теперь на мне не только шарфик, но почти такого же цвета брючки! А пёсик гордо шагает рядом, высоко задрав голову. Будто не на мне, а на нём новые штанишки.

«Симку» купили, новую одежду сыскали, полицейских обаяли, памятник депутату нашли, промахи в градостроительстве выявили, зашли в город с тылу, насмотрелись всякого... Достаточно для одного дня! Возвращаемся в Сере.

А на трассе жуть! Ветер километров восемьдесят в час, а то и больше! Смешно и грустно видеть, как легковушки, словно блохи, подпрыгивают на открытых участках дороги. А ещё температура минус один градус... При таком ветре она всегда ощущается градусов на десять меньше. Если рядом фура, лучше её скорее миновать. На «встречке» машинка вот так подпрыгнула и подрезала фуру. Та затормозила, и её прицеп перекрыл дорогу. Скорость машин 130, ветер – 80... Неэстетично!

Полиция остановила весь поток машин. И на встречной полосе почему-то тоже! Ходили вдоль скопившихся авто и что-то говорили водителям. То ли опрашивали, то ли призывали к осторожности. Я тоже опустил стекло и заинтересованно вслушивался в их сумбурную речь... Ничего не понял. Во-первых, потому что в открытое окно влетал только ветер, во-вторых, Масик, вспоминая первую парковку в Перпиньяне и, видимо, компенсируя, теперь лаял на всех, кто в форме. Ну и потом, эти полицейские говорят, как наши врачи пишут. Самый проверенный вариант: машина испанская, физиономия народного контролёра, речь немецкая: «Нихт ферштейн!»

И всё-таки, почему при таком ветре не изменили указатель максимальной скорости? Пока ехал, соображал. Это как на зимнем асфальте, покрытом неровным бугристым слоем заледенелого снега. Там, если медленнее семидесяти ехать, на бугорочке подбросит, руль вывернется, и пока ты его восстановишь, авто успевает съехать с дороги. А вот если под сто – всё о'кей! Только страшновато...

Доехали благополучно. Сегодня каталонские пироги не стали покупать. После такого обилия при-

ключений потянуло к духовному. Благо оно всё рядом. Начинаем с библиотеки. У меня мания: в толстых книгах о французской литературе ищу что-нибудь о Франсуа Вийоне или Шарле Бодлере. В первом случае – не поторопились ли забыть? Особенно после жуткого фильма 2010 года «Я, Франсуа Вийон, вор, убийца, поэт». А во втором – как скоро после реабилитации в 1949 году сообразили, что уже можно писать про его некогда осуждённые стихи... Нашёл! «Самые красивые страницы французской поэзии» называется, почти девятьсот страниц! Смотрю XV век – нет Вийона! Герцог Орлеанский есть, а победителя организованного им поэтического состязания в Блуа нет! Вот олухи! Получил глубокое интеллектуальное удовлетворение.

Дошли до любимой галереи. Почему любимой? Здесь давно уже висит картина Фабьена Буатарда (Fabien Boitard) с лебедем на лесном озере, а за красивой белой птицей голое женское тело, перевёрнутое вверх ногами. Видны только живот, ноги и бедра. Круто! По-бодлеровски! «Этот ласковый лоск чрева, чресел и ног, / Лебединый изгиб ненаглядного сада...» Здесь мы задержались. Масику, видимо, лебедь нравится или что-то напоминает...

Удивительно, как же быстро меняются приоритеты у моего друга! Побывав в Перпиньяне в квартале «французских писателей», он теперь воротит нос от выставки акварели в Сере и от музея современного искусства. Правда, там уже месяц нет Матисса... Обходит стороной кафе «Пабло» (Cafe Pablo) напротив Ворот Испании (Porte d'Espagne), где в прошлом веке, попивая вино и кофе, общались Пикассо, Модильяни, Маноло, Матис, Кокто, Шагал, Дали... Предатель, он избегает все пять художе-

ственных галерей, что скопились на улице Коммерс, и даже не оглядываясь на репродукцию картины Ван Донгена, выставленную на витрине, настойчиво устремляется к неприметному узенькому переулку. Именно в этом месте начинается улица Маноло (rue Manolo). Сразу становится понятно, куда его тянет. Не иначе – вспомнил лето, зелёную травку, лебедей... Но для этого вообще-то нужно было нереально высоко задрать голову и прочесть название улицы в честь каталонского скульптора, друга Пабло Пикассо...

Шагаю вслед за Масиком в направлении «Манолы». Вышли из центра Сера с его уже привычными тремя памятниками тринадцатого века и двумя двенадцатого, остановились у «Чёртова моста» (Pont du Diable). То ли приятель мой понял, что этот мост никуда не приведёт, то ли почувствовал, что уж точно он не раскроет перед ним всю безмерность его мечты... У Масика взгляд задумчивый, будто силится представить что-то, понять, пропустить через себя спрессованные пласты времени. А может, просто устал скитаться целый день, и пора восвояси?

На берегу, чуть выше по течению, нашли милое местечко. Там огромный камень – то, что осталось от моста, построенного римскими легионерами ещё до нашей эры. Река-то, река! Одно слово! И надо же, снесла мост в 522 году. Только через тысячу лет решились сделать новый, тогда самый длинный в мире! Отсюда хорошо видны высокие холмы с одной стороны и оранжевый от яркого заката заснеженный пик Канигу – с другой. В центре Сера такого не увидишь!

Наконец-то мы одни! Миновали круговые перекрестки, отпустила тирания городов: памятники ста-

рины, асфальтовые тротуары и озабоченные человеческие лица... Кругом тишина, только доносится издалека стук колёс старенького авто по каменной мостовой узенькой улицы Републик (rue République)... Да! Не всякому дано купаться в неистовом круговороте больших городов. Наслаждаться им, наверное, тоже искусство!

Сидим на «памятнике» прошлой эры. Повернули головы в одну сторону и не можем оторвать глаз от того, как изредка налетающий ветер мелкой рябью шевелит речную гладь, да яркие блики заходящего солнца, пробегая по ней, плутают в молодой травке на берегу...

Срывая вереск...

Психологическое эссе

«Семьи в Российской Федерации с матерями-одиночками составляют пять миллионов. С учётом полумиллиона семей с отцами-одиночками, полумиллиона детей-сирот и оставшихся без попечения родителей – это больше половины всех супружеских пар с детьми. Ещё пять миллионов пар вообще не имеют детей...»

*(Из доклада уполномоченного РФ
по правам ребёнка)*

Однажды я написал книжку «Сказки для бизнесменов». Почему сказки? Потому что на их примере можно доходчивее объяснить проблемы кризиса в бизнесе. Уверен, не каждый ответит, кто носитель проблем в «Золушке»? Нужно ли помогать Тане, которая громко плачет, потому что уронила в речку мяч? Как быть с бычком, который «идёт, качается, сейчас он упадёт»? Позднее появилось известное в среде предпринимателей и менеджеров научно-популярное издание «Немедленно ждать» – моё психологическое эссе о том, кто и чем управляет в кри-

зисном проекте в условиях неопределённости, с меняющимися ожиданиями участников проекта и архитектурой их отношений.

Прошло почти десять лет. Последние год-два, так уж получилось, мне довелось заниматься почти тем же самым, только в другой среде – в отношениях между мужчиной и женщиной. Не в бизнесе, а чёрт знает в чём... В «любви». Хотя, если говорят о формировании отношений, это уже не любовь!

Здесь, в Перпиньяне, мои зимние вечера уходят на псевдо-психотерапию. Спросите: «Почему „псевдо“»? Потому что я не психотерапевт, а кризисник. Тем не менее, памятуя о былых кризисных проектах, то по вотс-апу, то по скайпу ко мне за советом тянутся молодые поэтессы и художницы. Они все из Питера. Но с недавнего времени кто где. Кто в Москве, кто в Париже, а кто и на берегу Тихого океана, хоть на нашем, хоть чужом, или тут рядом, в Барселоне. Вышли замуж и уехали. Но что-то не так. Что-то не очень чтобы очень, или просто, как они говорят, «брак несчастливый». Миленько! Будто счастье только в браке, или «предприятие», коим по своей сути является «брак», может быть несчастным. Вечные проблемы с мужьями, жёнами, невестами и женихами! Начитались романов, разных сказок и ищут свои «Алые паруса». Путают всё на свете: дружбу, влечение, симпатию, влюблённость, страсть... Даже не задумываются о том, что в браке, как и в бизнесе, вы «партнёры» с почти зарегистрированным «юридическим лицом» со всеми сопутствующими ему проблемами. А у них перед глазами литературные образы Карениной и Ростовой. Полагают, что любовь такая! Бедняжки! Как всё запущено! Сколько разочарований!

* * *

*«Какой бы сильной ни была женщина,
она ждёт мужчину сильнее себя.
И не для того, чтобы он ограничивал ей
свободу, а для того, чтобы он дал ей
право быть слабой»*

Э.-М. Ремарк

То, что мы все называем любовью, на самом деле чаще всего лишь страсть. Это слово – «страсть» – используют для обозначения высокой степени сексуального возбуждения в сочетании с общим эмоциональным влечением к партнёру. Но страсть, так же, как и влечение, – психические состояния с неосознанной или недостаточно осознанной потребностью человека. Эта потребность либо угасает, либо осознается, превращаясь в конкретное желание, намерение или мечту. Ещё страсть, как короткоживущее и преходящее чувство, иногда отождествляют с влюблённостью. Справедливости ради нужно отметить, что «сексуальное возбуждение» сложнее таких примитивных эмоций, как гнев, радость, печаль, удивление или отвращение. По своим субъективно переживаемым составляющим оно похоже на более сложные эмоции: гордость, стыд, вину и презрение. От сексуальной страсти прямая связь с проблемой стабильности или нестабильности отношений вообще. Наверное, поэтому часто слышишь каскад вопросов. Является ли эта «страсть» характерной только для ранней стадии пылкой романтической влюблённости, постепенно вытесняемой менее яркими, нежными взаимоотношениями? Может ли она стать основной причиной, которая удерживает пары вмес-

те? Возможно ли, чтобы сексуальная страсть, условие или даже гарант стабильности пары, являлась одновременно и потенциальным источником угрозы её существования? А, может, лучше, когда отношения спокойные, нестрастные, как бы безопасные, что ли?

О различиях между нежной привязанностью при стабильных отношениях в супружестве и страстью кратких любовных романов бурно спорили поэты и философы во все времена. Сразу отметим: страсть, как эмоция, может сопровождать некоторые пары на протяжении многих лет совместной жизни. Это возможно, если тонкое и глубокое чувство к другому человеку соединяется с ясным осознанием конечной тайны отдельности одного человека от другого.

Но вот весь сумбур из «сноса башки» и неконтролируемого влечения вдруг дополняет одна малюсенькая деталь. Эротическое желание постепенно перерастает в отношения с совершенно конкретной личностью, в которых бессознательная активация прошлого опыта и сознательные ожидания относительно будущей жизни пары сочетаются с формированием совместного идеала. Это уже «симпатия»! Она подразумевает некие соглашения и обязательства в области секса, эмоций, ценностей. Тут уже включается рассудок. Симпатия, как правило, возникает не на пустом месте. Это реакция на внешность, на поведение и черты характера другого человека. Её результатом становятся общие взгляды, интересы и ценности. Они даже выражаются симпатично и как-то социально окрашенно: в повышенном влечении и интересе к человеку, в доброжелательности, оказании внимания и помощи.

Оставим, однако, пока симпатию в покое. Там, где подключается рассудок, всё проще и понятнее. Чаше

мы имеем дело с другими эмоциями: страстью, влюблённостью и влечением. Что их объединяет? Все они кратковременны. Это раз! Не имеют ничего общего с рассудком. Это – два. Но есть ещё одно общее для них. Они рождаются из... эгоизма. Казалось бы, какой ужас! Откуда тут эгоизм? И почему тогда эти эмоции так нам нравятся и так живучи? Потому и нравятся, что они для себя любимого! Мы привыкли романтизировать свои собственные недостатки и выдавать желаемое за действительное. Рисуем свои милые пороки, будто в мемуарах, исключительно с изящной стороны, как бы по-новому осмысленные и вымученные. Согласитесь, рассказывать жизнь свою самому себе должно быть очень интересно. Смотришь, как на чужого, и забавно ловить мысли свои на попытках соврать, спрятать что-нибудь...

Показывают в кино и пишут не о «симпатии» и уж, конечно, не о «любви». Это понятие настолько интимно, настолько незаметно и долговременно, что не привлечёт ни массового читателя, ни зрителя. Если в детективе главное – погоня, то для показа «любви» нужна страсть. Чувства, имеющие шанс быть долгосрочными, неинтересны! В кино в сексуальных темах «любовь» и «нежность» полностью изолируются от каких-либо элементов эротики. Допускают лишь отдалённые намёки на них, и только в связи с идеализированными персонажами.

Неудивительно поэтому, что, говоря о своих чувствах, юные барышни, интуитивно ощущая диалектику яркой эмоции или вспоминая бодлеровский постулат о неизбежной двойственности «прекрасного», часто повторяют что-то подобное: «Мне казалось, любовь – это такое сложное и противоречивое чувство. С одной стороны романтическое, напол-

няющее, окрыляющее. С другой – надрывное и болезненное».

– Ещё немного, – подыгрываю я, – ещё чуть-чуть, и чудо произойдёт... Но «...по минутам осыпается ожидание невозможного...» (*Р.К. Лисиц*).

И вдруг – хлоп! – продолжает «парижанка», не обращая внимания на мою цитату из хорошей песни, – одна нотка в голосе, мгновение потухшего взгляда... И сердце разбито.

«Ох уж эти творческие особы!» – подумал я и добавил:

– И ведь всегда кто-то виноват! Один «недолюбил» и навязчив, как Каренина. Другой, как Вронский, «перелюбил», просто хочет работать и тяготится притяжением близостью...

Даже в самой сильной страсти бывают минуты, когда человеку вдруг кажется, что он «больше не любит». Думая о своей некогда возлюбленной, он уже почти не испытывает удовольствия. Жизнь с ней для него утрачивает былой интерес. Самая печальная и унылая пустота сменяет состояние, хоть и тревожное, но когда-то приносящее новое, страстное и увлекательное. Всё! Кончилась любовь! «...И ветер дождём швырнул в заплаканное окно...» (*И. Сергеева*).

Конечно, ежедневное живое общение неминуемо порождает мощные скрепы. Блеск глаз, теплота и ласки рук... Это не может не вымывать всё лишнее и негативное. Более того, сама прерывность отношений порою может нести защитную функцию, помогающую устанавливать различную степень равновесия, стабилизирующую взаимоотношения и позволяющую партнёрам отыгрывать свой «сумасшедший мир».

Но вот общение, теплота и блеск глаз сами становятся каким-то потусторонним и тоже лишним. Как бы пара ни старалась смаковать созданную ими иллюзию тепла, – всё это уходит в небытие. Разочарования и обиды нарастают и цементируются, так что их трудно растворить моментами близости. Легче разрешить их отщеплением друг от друга различных переживаний, поддерживая душевный мир ценой фрагментации отношений. Постепенно вымывается потребность слышать другого. Незаметно появляющийся вокруг тебя непроницаемый кокон скоро начнёт отталкивать всех, кроме того, кто «взял на себя ответственность», кто «не радуется за чужой счёт», кто «хочет быть только с тобой» и не играет в виртуальное единение чувств, имитируя ячейку общества.

Он и она по-разному выносят прерывистость связей. Женщина обычно устанавливает строгую границу между старой «любовью» и новой. Мужчина, обладая большей способностью выносить разрыв между эмоцией и эротикой, напротив, может продолжать секс с женщиной, даже если его эмоциональная привязанность сосредоточена на ком-либо ещё.

Да, случается, что ушедший пытается вернуться, а не просто продлить привычное поведение. Так бывает, когда он чувствует, что потерял или забыл что-то очень важное и нужное. Он снова и снова мучительно вспоминает и навязчиво ищет встречи. Иногда находит. Но чаще приходится признать: что-то безвозвратно ушло. Больше не будет ежедневных разговоров по телефону часами напролёт ни о чём и обо всём на свете! Не получится окунуться друг в друга целиком и захлёбываться, вдыхая возбуждающий аромат тела... Как же больно врезаются в сердце

строки из стихотворения Аполлинера: «Срываю вереск, осень мертва. На земле, ты должна понять, мы не встретимся больше...»! Но сегодня это уже реальность. Возвращение к той странице жизни почти не вызывает эмоций. Она теперь не эта, а та. Не здесь, а где-то там. То, что было таким важным, чем ты дышала, что чувствовала, кем любовалась, что было твоим настоящим, вдруг стало прошлым. От этого становится холодно и неуютно. Ведь теперь в настоящем образовалась пустота...

Или свободное пространство?

Как легко порою мы забываем: «...великий секрет жизни: лечите душу ощущениями, а ощущения пусть врачует душа» (*О. Уайльд*). Произносим привычные слова: любовь, теплота, пустота и даже не отдаём себе отчёт в том, что каждое слово произнесённое – это вербализованное ощущение. Оно уже или бьёт, или исцеляет. От того, как мы чувствуем и понимаем, зависит наше общее состояние и настрой. Пустота – это когда чего-то нет, что-то ушло, убыло, растворилось. «Там над лесом чуть лучики дышат, / Израстая в прожилках заката. / И на судьбы неслышно ложится, / Пусть минутная – всё же утрата» (*Е. Игнатьева*). В какой-то миг своей жизни все люди ощущают утрату и чувствуют себя одинокими. В сущности человек одинок всегда. «Ведь жить – это непрестанно прощаться с тем, чем мы были, становясь тем, чем мы будем, – вечно чуждым нам будущим» (*О. Пас*). Так опустошение или освобождение? Освобождение места для чего-то нового, когда появляется ещё одна возможность, потом другая?

Не сдержаться! Хочется продолжить строки про «утрату»: ...но с утра мы забудем про это, про утрату,

про землю, про лес, мы проснёмся с лучами рассвета... и почувствуем влагу с небес. Прописная истина – после осени пройдёт время, и обязательно наступит весна! Расцветут новые ветки вереска... Эту встречу с аполлинеровским «запахом Времени» мы всегда ждём. И она обязательно состоится! Нужна только сущая малость: уметь ждать и «Увидеть мир в одной песчинке / И Космос весь – в лесной травинке! / Вместить в ладони бесконечность / И в миге мимолётном – вечность!» (У. Блейк). Да, когда что-то кончается в жизни, будь то плохое или хорошее, остаётся пустота. Но «пустота, оставшаяся после „плохого“, заполняется сама собой. Пустоту же после „хорошего“ можно заполнить, только отыскав что-то лучшее...» (Э. Хемингуэй). Сначала спросим себя: «А может, это и не любовь была вовсе?» Есть же влюблённость, страсть, влечение, симпатия, дружба, семья, брак, наконец. Целая свора всяких понятий! Как понять или почувствовать? Как раскрыть тайну «пылающего Разума»? Ничего невозможного! Всё, что не любовь, можно объяснить и определить. Весь вопрос в том, что это было на самом деле? «Плохое» или «хорошее»?

Запомнили всю свору понятий? Ну-ка! Которое из них плохое?

Когда вы хотите, чтобы вас ласкали и возбуждали, – это страсть. Если ждёте, чтобы о вас всячески заботились, делали вам подарки, обеспечивали вас, – это инфантилизм. Хотите, чтобы вас неистово любили, жить без вас не могли, разделяли с вами всё свое время и отвели остальное на второй план? Это эгоизм. Когда вы хотите срочно родить ребёнка от конкретного человека – это биология...

Кстати, жить так, как вы хотите, – не эгоизм. Эгоизм – это когда другие должны думать и жить так, как вы этого желаете. Здесь не всё так очевидно! Ведь это своё, родное, его сразу не распознаешь! Даже «если вы что-то сделали для близкого человека, но при этом вам не нравится его реакция. Кажется, что он невнимателен или неблагодарен, значит, вы это сделали для себя» (Э.-М. Ремарк).

Нет! Это не про «любовь». Это про другое. Похоже, что это про «источник самообмана, который выражается в „конфликтной игре“ „зеркальных отражений“» (Ж.-П. Сартр). Хорошо сказано! Ёмко. Действительно, всё в этом мире устроено по принципу зеркала. Наше окружение является нашим отражением. С помощью других людей вы можете понять, что есть в вас самих. Если вы недовольны окружением, своей работой – вы недовольны, прежде всего, самим собой. Люди просто отражают наше представление о себе. Что во мне, то и вовне! Наш внутренний мир взаимосвязан с внутренними мирами других людей. И если вы окружены добрыми, светлыми, любящими людьми, значит, вы сам такой же. Работайте над собой – и мир вокруг изменится! А любящий человек – это тот, ради которого вы готовы пройти все трудности и изменяться к лучшему. Тот, кого вы примете полностью, со всеми его недостатками.

Любовь проста и естественна, приземляет прочно и прямоиком в реальность. А ещё она деятельно прикладная, так как не замкнута на себе, а предназначена «для». И к тому же она заботлива. Не озабочена, а заботлива. Ещё Стендаль в позапрошлом веке такое увидел и назвал «кристаллизацией» – обязательным условием «зрелой любви». Именно здесь зарождается не что иное, как признание другого

такой же личностью, как ты сам. Здесь нескончаемый поток открытий его или её новых и новых достоинств... Здесь обоюдная эмпатия и идентификация своего «Я» с болью или радостью другого...

Но нет в любви той самой *боли*, о которой говорила «парижанка», нет надрыва, остроты, ни разбитого сердца, ни каменного. Не нужно никому ничего доказывать. Очень малой надежды достаточно, чтобы вызвать к жизни любовь. Через два-три дня надежда может исчезнуть, а любовь уже родилась. Она рождается и гаснет без малейшего участия воли. Вокруг всё крутится, вертится, качается... Как в детском калейдоскопе. А Она – светлый покой души, ровное биение сердца, глубокий вдох и долгий выдох. Ни слезинки, ни упрека...

Может, именно из-за подмены понятий у нашей «парижанки» и появляется ощущение *боли*, мол, «что-то не так, что-то не очень чтобы очень...»? Кстати, девушка не одинока в своём восприятии «любви». Так же размышляет мексиканский поэт Октавио Пас. Он даже «украсил» своё видение метафизической формулой. «Любовь – это точка пересечения между желанием и реальностью. Она *открывает реальность желанию* и создаёт переход от „эротического объекта“ к „любимому человеку“». Это открытие почти всегда *болезненно*, поскольку любимый человек представляет собой одновременно и тело, в которое можно проникнуть, и сознание, в которое проникнуть невозможно». Противоречие самой природы любви, говорит Октавио Пас, в том, что *желание стремится к осуществлению* с помощью разрушения желанного объекта.

Да, никуда не денешься! Сказалось, не могло не сказаться частое общение будущего нобелевского

лауреата с сюрреалистами. Те, ради достижения глубин подсознания, нередко выполняли свои работы под воздействием гипноза, алкоголя, наркотиков или голода. Это именно они придумали теорию «освобождения желания».

За «Невыносимую лёгкость бытия» (М. Кундера) Нобелевскую не дают! Лучше попробуйте сыскать мучения и *боль*! Да не в страсти! Тут любой сподобится. А в самой любви! Пусть даже чисто теоретически, пусть в фантастическом сне или в «Лабиринте одиночества»... Почувствуйте «Тошноту» с её невозможностью любви и доверия, или заболите «Чумой» с неизбежностью смерти и размышляйте: как быть? Потом вылезайте из узкого «лабиринта» и где-то в затерянных джунглях окунитесь в «Сто лет одиночества». Или просто отдайте своё сердце «Клубку змей» и станьте великим мастером убивать в себе всякое чувство и довольствоваться простейшими отношениями...¹

К мечте только через страдания! Ведь так?! «Per aspera ad astra». Сенека сказал! Не кто-нибудь. Сартр, Камю, Маркес, Мориак, да и Пас... это лишь повторяли. Правда, каждый, пропуская через своё «Я» большого художника.

Западная философия и мировоззрение, вообще, пронизаны приматом изменений. А они не даются так просто! «Менять течение рек», «высокие горы сдвигать», или однажды появившееся «желание» вдруг само собой устремится к осуществлению... Вот беда-то будет! Сколько страданий, мучений и *боли*!

¹ «Лабиринт одиночества», «Тошнота», «Чума», «Сто лет одиночества» – произведения нобелевских лауреатов по литературе Октавио Паса, Жан-Поль Сартра, Альбера Камю, Гарсиа Маркеса, Франсуа Мориака.

А зачем всё это? На Востоке, к примеру, иначе смотрят на мир. Гармонично и мягко встраиваться в существующую природу, не менять, не разрушать, а регулировать архитектуру любых отношений. Тем более между людьми! Учиться ждать... Всё приходит в своё время для тех, кто умеет ждать. Правда, это совсем не просто. Помните, что самое главное? «Самое главное – сказку не спугнуть и миру бескрайнему окна распахнуть!» (Н. Добронравов). И тогда море ощущений, как вдох свежего воздуха через распахнутое окно, проникнет в вашу душу, наполнит восторгом, умилением и не вполне понятной истомой...

Уж если диалектика, то пусть она проявится и здесь! В уважении или хотя бы терпимости ко всем взглядам на жизнь. Ведь изучал Октавио Пас и восточную, и западную культуру, переводил и Басё, и Аполлинера! При чём тут сюрреалистическая «точка пересечения между желанием и реальностью», воздвигнутая с «замахом сказочного дровосека»? Любовь не партнёрство, которое считается браком, не страсть с её бессознательным аффектом или болезнью и не слепой инстинкт, который гасит мысль и парализует волю. Это чувство глубокой привязанности и устремлённости к чужой жизни и желание украсить её радостью и красотой. Согласитесь, чтобы уважать или украшать, совсем не обязательно испытывать жгучую боль!

А если это действительно Она, Любовь? Тогда вообще всё просто. Когда вы любите – вы ничего не хотите. Вы просто любите. Вы ходите по квартире, пишете письма, пьёте чай, говорите по телефону – и одновременно любите того человека. Он может быть в это время где угодно и с кем угодно. Он может даже не знать о том, что вы его любите. Да, это не

практично, иррационально и странно. Но именно это и есть любовь. Всё остальное – человеческие страсти.

«Можно любить женщину очень сильно и всё же не мечтать о том, чтобы прожить с нею всю жизнь» (С. Моэм). А «лучший способ сохранить любовь мужчины – не выходить за него замуж» (К. Денёф). Смотрите же, как одинаковы мысли британского писателя-разведчика, автора 78 книг и одной из самых элегантных, красивых и стильных француенок, актрисы из давнишнего полюбившегося всем французского фильма «Шербурские зонтики»! Разные страны, разные времена, разные люди...

Мучительно выстраивать можно отношения, но не любовь. Бороться можно за первое место на конкурсе или свои права, но не за любовь. Ожидать можно честности или понимания, ответственности за слова и поступки, но не любви. Любовь – не имеет практического результата. Нужно научиться называть всё своими именами, и тогда всё станет на свои места.

Любовь – это просто приятное тепло внутри вашего тела. Это когда от него ничего не нужно. Ни общения, ни секса. Ничего... Я чуть-чуть утрирую! Только бы он был на этом свете. Со всеми его недостатками, женатый, с детьми... Просто когда я думаю или говорю о нём, какое-то нежное тепло наполняет меня. И всё! Любовь связана с вами. Это способ существования. Это такое ваше свойство, качество – уметь любить.

Действительно, ведь если любимый человек ушёл, вы всё равно сможете его любить. Те, кто уходят из жизни, – тоже в нашем сердце. Кто-то хорошо сказал: «Мы привыкли использовать другого

человека в качестве ключа, чтобы открыть то, что уже и так есть внутри нас самих. Ведь нет же ни замка, ни двери, ни стены... А отыскав подходящий ключ, начинаем бояться его потерять!» Мечтаем, как в детстве, повесить его на шнурочке на шею. Как только мы пытаемся это сделать, две жизни стремительно покатаются в разные стороны или к пропасти!

Что же делать?

Помнить, что лечить душу нужно ощущениями! Самим управлять своей радостью, счастьем, а не уповать на внешние стимулы! Нужно помнить, что любовь живёт не в другом человеке, а в вас! Осознать это – значит быть свободным. Ведь как нас учит философия? Свобода – это осознанная необходимость!

Внутренняя свобода дарует вам самую большую уверенность в себе, которую не купишь ни за какие деньги, не заслужишь никакими поступками. А с таким человеком, наполненным светом, добротой, любовью и счастьем, естественно, захочет быть каждый.

Как нет абсолютно нерастворимых веществ, так, наверное, нет и абсолютно «чистой любви». Любовь, как глубокое и долговременное чувство, совсем не исключает ярких проявлений и влечения, и симпатии, и страсти. Именно поэтому, остро переживая такие мгновения, многие считают, что это и есть любовь. Сразу хочется остановить эти мгновения, создать из них нечто прочное и долговременное. Увы! Чаще всего это приводит к неприязни и даже вражде. Автор «Человеческой комедии» так и сказал: «Брак – это война до победного конца... и победа, то есть свобода, достаётся тому, кто более ловок» (*О. де Бальзак*).

Когда мы слишком привязаны к кому-либо, будь то домашнее животное или человек, вместо того, чтобы относиться к нему как к отдельному существу с его собственной жизнью, мы разбиваем себе сердце.

Почему любовь это всегда свобода без напряжения, а мы пытаемся удержать её любой ценой? Цепляясь, мы испытываем страдание, если не получаем желаемый объект. А если мы всё же становимся обладателями объекта желания, он в конечном итоге меняется или исчезает, что обязательно причиняет нам страдание.

Получается, что мы заранее стараемся защитить себя от угроз потери и в физическом, и в психологическом смысле и поэтому цепляемся ещё сильнее. Но чем крепче мы за него держимся, тем более отчаянным становится наше положение. Ведь мы не в силах контролировать других живых существ. Всё в этом мире нуждается в дыхании и переменах. Мы забываем, что нам никто не принадлежит. Ни наши мужья или жены, ни дети или внуки, ни друзья или возлюбленные... Можно только чем-то делиться с ними. Зато то и дело переживаем, когда у нас чего-то нет, а хочется. Когда нам чего-то не дали, а мы ждали. Редко задумываемся о том, от чего нас убергла Судьба, не дав желаемое сейчас. Всё приходит и уходит вовремя!

Освобождение объекта желания это не отказ от него. Напротив, вы можете быть настолько близко к нему, насколько вы этого хотите. Никто не призывает вас отказываться от всех тех приятных вещей, которые приносят в нашу жизнь отношения. Просто вы должны понять, что любить человека – это значит позволить ему оставаться самим собой.

Вспомните, как вы наблюдаете закат. Вы полностью отдаётесь любованию, не переживая о том, что он скоро закончится. Вот солнце полностью село за горизонт, а мы чувствуем себя при этом в полном порядке. Хорошие родители воспитывают детей, окружая их заботой и любовью, но понимая, что это маленькие люди, которые вырастут и станут полноценными личностями со своими собственными жизнями. Если родители любят детей, а не считают их частью себя, то они без страха отпускают их.

То же самое и с нашими «вторыми половинами». Фу! Уже здесь, в этих двух словах заложена глупость! Любить их – это значит признать, что они тоже живут, позволить им дышать и быть несовершенными, оставлять пространство для совершения ошибок. Любить – это значит слушать, дарить нежные прикосновения и относиться к опыту другого с таким же пониманием, как и к собственному. Это означает заботу без разрушения и цепляния, а не борьбу с возможностью теоретической потери и «по минутам осыпавшимся ожиданием невозможного...»

Но как хочется зрелости отношений сразу! Так нет же – они приходят только со временем. Здесь и сейчас мы ищем эмоциональную связь, которая развивается лишь с годами, а в своё оправдание вспоминаем о любви «с первого взгляда». Легко вступаем в отношения при малейшем притяжении к человеку, а потом – прямо как в фильме «Затмение» Антониони – так же легко выходим из них. И не только тогда, когда находим кого-то лучше. Мы не хотим мучиться и открывать новое и хорошее в этом человеке. Нам надо, чтобы он сразу был идеальным. Мы вообще не умеем находить позитив в любой ситуации и тем более его ценить. Только негатив! Прямо как в телеви-

зоре! Пожар, наводнение, ДТП... Конечно, ведь запоминается только негатив! Как следствие, мы во всех заранее разочарованы... и боимся ошибиться.

Ах, это новое поколение! Насмотревшись на финансовые катаклизмы, на перманентный передел собственности, оно боится. Боится влюбиться, жениться, потерпеть неудачу, почувствовать боль, разбить себе сердце, иметь недвижимость, в конце концов. Оно не подпускает никого к себе и не подступает ни к кому. Оно давно забыло или никогда не знало, что «успех – это способность шагать от одной неудачи к другой, не теряя энтузиазма» (*У. Черчилль*).

Они хотят, чтобы всё было легко и быстро. Достаточно одного препятствия, чтобы опустили руки. Они не позволяют любви расти, уходя раньше времени, ищут не любви, а острых ощущений. Хотя всегда уверены в обратном. Они хотят того, с кем можно сходить в кино и кафе, а не того, кто может их понять, даже когда они молчат. Они проводят вместе время, но не создают общие воспоминания.

Им не нужен партнёр на всю жизнь, а лишь тот, с кем будет хорошо здесь и сейчас. Когда страсть угасает, они понимают, что никто не готовил их к обыденности жизни. Они погружаются в бессмысленную или даже очень важную городскую суету, не оставляя места любви. Они занятые, мобильные люди, преследующие материалистические мечты, и любовь в эту конструкцию ожиданий просто не вписывается.

Они сидят за высокими стенами, которые возвели вокруг сердца, ждут любви и сбегают, прячутся каждый раз, когда она появляется на горизонте. Боятся быть уязвимыми. Как Шарль Бодлер, не хотят

оголять свою душу ни перед кем. Вычурная одежда, скрывающая естественные формы тела, пища, сдобренная специями, женское лицо в жуткой косметике – всё это различные проявления страха перед живой, непредсказуемой, неукрощённой жизнью. В её неоформленности и случайности нечто родственное хаосу, и потому они всегда пытаются набросить на неё искусственное, ими же сотканное покрывало. Это бунт против всего, что нас окружает, против всей вселенной! Раз уж изменить её они не могут, тогда это такой способ скрыть себя, повести взгляды других людей по ложному пути, не дав им увидеть себя настоящего.

Слишком часто мы фокусируемся на ценности того, чем мы обладаем. Мы зацикливаемся на своих тревогах и страхе потерять любимого человека, работу, знания, машину, квартиру... А в результате это всё равно случается, мы их теряем или забываем. Мы не умеем испытывать счастье. Более того, мы не умеем быть счастливыми, когда остаёмся одни. А ведь это самые долговременные отношения!

* * *

Вы встретились потому, что были влечение и симпатия. Вам было интересно друг с другом. И даже если вы расстанетесь, то никогда не забудете это счастливое время. Вы не всегда будете счастливы, будете раздражаться, беситься, притираться, выяснять отношения. Будут периоды, когда секс будет ужасен, разговоры утомительны, кино скучное. Это всё течение жизни, закономерное и понятное. Его нужно стараться преодолеть, находить интересное друг в друге, поддерживать в начинаниях, утешать в разочарованиях.

Хотите понять, имеете ли вы здоровые отношения или это болезненная привязанность? Тогда ответьте на вопрос: могу ли я отойти в сторону, сохранив спокойствие и чувство заботы? Могу ли я отделить его тёплые слова от поступков? Ведь только действия человека говорят о его личности и его отношении к вам.

«Не верьте словам. Просто наблюдайте – и вы увидите истину» (*Дж.Б. Шоу*).

Предчувствие

(Желание)*

Желание – среднее между простым хотением, основанным на ощущениях, с одной стороны, и обдуманном решении или выбором – с другой. Возникает спонтанно в условиях недостатка стремления к преодолению как неопределённости, так и ограниченности существования. Оно хочет утоления и одновременно сохранения себя.

Сегодня поздно вышли гулять. Сразу к Мольеру на площадь. Там тихо, никого в это время нет. Сидим с Масиком на скамеечке, и я ему читаю монологи Сиды и Фигаро. Приучаю к мелодии французского стиха... Благо ни Корнеля, ни Бомарше, ни улиц с их именами рядом нет.

Глядь, а из переулочка Шарля Перро, как из сказки, выходит барышня с собачкой. Мой товарищ – ноль внимания! Никакого желания демонстрировать какую бы то ни было озабоченность. Весь в литературе. Собачка, тоже джек-рассел, подбежала ближе, хвостиком вильнула... «Ну это уже слишком! – вста-

* Фрагмент из рассказа «Путешественники».

вая на свои коротенькие ножки, подумал Масик. – Я в искусстве, понимаешь, а эта... Гав! – громко вымолвил он и повторил вполне определённо: – гав, гав...»

– Тося, Pour moi! Не приставай!

– C'est joli! – только и произнёс я, услышав непривычную смесь французского с русским и, предчувствуя удачу, размышлял: «Потом, скуки ради, будет с кем поболтать. Может получится неплохое эссе! Эдакие непрехотливые извивы чувств...»

Девушка в «моём» шарфике цвета хаки, в коротенькой белоснежной курточке, с золотистыми прядями каштановых волос, спадающими на плечи, мельком, взмахнув ресницами, взглянула на нас и тотчас отошла в сторону. Потом присела на корточки и принялась теребить щенка. Продолжая игру с собачкой, она встала, хлопнула в ладоши, щенок перевернулся на земле и отбежал в сторону. Милая шатенка тоже побежала, на мгновение обернулась, сверкнула улыбкой на живой шарик, едва поспевавший за ней, потом на Масика, и будто, Золушка, исчезла так же быстро, как и появилась...

Видимо, затерялась где-то во дворах улицы Мишеля Монтеня, главного эссеиста всех времён и народов. Это он впервые, ещё до меня, попытался говорить сразу обо всём и ни о чём, не имея предварительной темы, жанра, идеи, но как бы пробуя себя и в том, и в другом, и в третьем.

«Этот суфразный Белёсий свет...»

Рассказ

Сергей Богданов, конечно, был влюблён в Алёнку. А той... нравился Юрка Лисочкин. Лисочкин же никого пока не любил, но был не прочь поухаживать за кем угодно. Так, для тренировки, как со штангой. По кому сох Вовка Спивак, никто не знал. Но то, что он был влюблён, это точно. Все, кому не лень, обсуждали, почему это Богданов так часто краснеет. Причём чаще всего, когда его вызывают к доске или просто поднимают с места, то есть когда внимание обращено именно на него. Ну, вряд ли это происходит от того, что он, как обычно, ничего не учил и теперь выкручивается на тройку... Наверное, в этот миг посмотрит Она и всё увидит... Другие ничего не поймут, а Она догадается.

В субботу уроки закончились раньше. Не было математики, последней по расписанию. Все радовались, что математичка заболела, а Алёнка, наверное, больше всех. Она просто ненавидела как алгебру, так и саму учительницу. У неё, у отличницы, впервые за все школьные годы в третьей четверти начинала вырисовываться четвёрка. По алгебре. За последний месяц её дважды вызывали к доске решать задачи и дважды ставили четвёрку. Явный перебор.

Алёнка с видимым удовольствием собрала свой маленький сиреневый портфель и уже было направилась к выходу из школы. Она наклонилась, чтобы затянуть развязавшийся узел на зимних ботинках и мельком, будто шпион, взглянула в сторону большой деревянной скамьи около входа в школу. Там всегда в конце уроков стоял Серёжка. В этот раз он тоже был на месте, смотрел на неё и чего-то ждал. Это было написано большими буквами прямо у него на лбу.

– Серёжа! Пойдём, прогуляемся. Проводишь меня? – громко сказала Алёнка, подзывая Богданова рукой.

– Пошли, – подчёркнуто безразлично произнёс Богданов. – Сейчас догоню.

Он дождался, когда Алёнка прошла вперед, и быстро направился за ней. То ли не хотел, чтобы видели, как он за ней ухлестывает, то ли ей демонстрировал, что не так уж ему это и нужно: таскаться за тридевять земель... Но одно только вот это «Серёжа» в её устах, а не привычное с первого класса «Богдаша», уже вызывало в нём трепет, красные от лёгкого мороза щёки стали совершенно пунцовыми.

Так или иначе, но через минуту они уже шли вместе и нельзя сказать, что в сторону её дома. Он молчал. Она тоже. Он нёс её портфель, а свой часто оставлял в классе, чтобы не носить его туда-сюда. Домашнее задание всё равно делал в школе, прямо перед уроками.

«Ну, нельзя же всё время молчать! Нужно что-то говорить...» – всю дорогу в отчаянии думал Серёга. «А чего говорить-то? Про погоду – глупо. Про любовь? Ну уж нет! Вот почему не учат в школе самому главному?»

Они уже больше часа шли к проспекту дальней, окружной дорогой. Начинались сумерки. Жёлтым светом зажглись уличные фонари. Вдоль всего тротуара тянулась аллея высоких берёз. Их голые тонкие ветки свешивались под тяжестью сверкающих замёрзших капель. Свет преломлялся в этих каплях и образовывал разноцветные круги, похожие на маленькие радуги. Такое явление редко встретишь. Нужно, чтобы утром долго шёл дождь, а вечером температура снизилась хотя бы до минус пяти.

Не говоря ни слова, Сергей и Алёнка остановились.

Алёнка обняла его за шею. Её тёплые, нежные ладони заскользили сначала по Серёгиной шевелюре, по затылку, потом прошли мимо ушей и остановились где-то посередине: на его красных щеках и на шее. С закрытыми глазами она сначала прикоснулась губами к холодной Серёгиной щеке. Её тёплое дыхание, почему-то пахнувшее топлёным молоком, приятно щеكاتало только появляющийся пушок на его скулах и подбородке. Лёгкий озноб, учащённый пульс. Казалось, что все поры на коже лица широко раскрылись и с наслаждением вдыхают Алёнкины запахи. Её опустившиеся на щеки длинные ресницы сразу забрали весь жар его губ. Он принялся их целовать быстро-быстро, ничего не соображая. Лишь потом он остановился на мгновение, опомнился и крепко поцеловал её в губы...

Никакого особого чувства у него это не вызвало. Он даже не отдавал себе отчёта в том, что это не она, а он её поцеловал. Значительно приятнее было прикосновение её ладоней и ресниц. А поцелуй? Ну, в первых, он больше думал о том, как бы выполнить всё правильно. Как учили... А уж потом чувства, ощущения и тому подобное. Он почему-то вспомнил «Мадам Бовари» Флобера. Одна пятючка мельк-

нёт или полоска голого тела между рукавом и перчаткой... Всё, этого достаточно. А поцелуй! Слишком сильно. Забивает чувства. Зашкаливает...

Алёнка мягко отодвинула Серёжку, поправила сначала свой шарф, потом его шапку, съехавшую набок, улыбнулась, и ему стало так легко, как будто всё это время он таскал какую-то тяжесть, а теперь взял и скинул лишний груз. Он ещё вспомнил о Лисочкине с его штангами: «Вот дурак-то!»

Они вдруг заговорили разом и об одном и том же, быстро, не ощущая никакой тяжести в общении, как когда-то, в первом или третьем классе. Обсудили всех одноклассников и всех преподавателей. Богданову показалось, что Алёнка слишком интересуется Юркой и ещё тем, как это Вовка Спивак так здорово знает алгебру и как его любит математичка. Весь остальной путь до своего дома она говорила про свою будущую четвёрку в четверти. Какой, мол, это ужас, и как её будут ругать родители.

Из-за поворота показался Алёнкин дом. Пошёл снег. Его мягкие, пушистые хлопья попадали ей на ресницы, надолго задерживались там, наверное, мешая ей смотреть, потом всё-таки таяли от тепла её глаз и тонкими ручейками стекали по щекам.казалось, что Алёнка плачет... Этот же снег накрыл замерзшие капли на ветках берёз, и свет фонарей больше не преломлялся в них всеми цветами радуги...

На лестничной площадке, около окна и тёплой батареи, они поцеловались ещё раз, потом ещё и ещё... Серёжка был счастлив.

Он вернулся в свой двор, и там, как будто по заказу, для него звучала новая песня: «Этот сумрачный белёсый свет, то ли есть, то ли нет, и стоим с тобою рядом мы на пороге тьмы...».

Последние капли дождя

(Влечение, симпатия, страсть, «биология»)

Рассказ

Симпатия – чувство устойчивой эмоциональной предрасположенности. Как правило, возникает на основе общих взглядов, интересов и ценностей. Проявляется как инстинктивная склонность, чувство внутреннего родства. Может возникать в результате или в процессе общего дела, когда получают удовольствие от общения друг с другом и чувствуют привязанность. Страсть – кратковременное, сильное, доминирующее чувство. Характеризуется сильным влечением к объекту страсти, чаще всего связана с высокой степенью полового возбуждения в сочетании с эмоциональным влечением к партнёру. «Биология» – желание иметь ребёнка именно от этого мужчины.

1.

Всё черно вокруг и наполнено мерцающими звёздами. Ты один в этом фантастическом мире, растворяешься в нём, можешь дотронуться до звёзд – стоит только протянуть руку... И нет никакого самолёта, есть

только ты и музыка. Она звучит в сердце, заставляя вспоминать, мечтать, думать о Вечном... И лишь когда вдруг проваливаешься в воздушную яму, надрывный звук внезапно загудевшего мотора напоминает о реальности. Там, куда падает маленькая «Цесна», будто на фотобумаге начинают проявляться тёмные силуэты горных вершин. Россыпи огней на перевалах и на взгорьях, ещё мгновение назад казавшиеся неподвижными, устремляются навстречу, и ты ясно понимаешь, чувствуешь каждой своей клеткой, что это не звёзды.

Скоро уйдёт ночь, и над утренней туманной дымкой вырастут острые очертания массива Монблан. Здесь каждый разворот и снижение таят в себе опасность. Посадочная полоса короткая, узкая, идёт под наклоном и начинается совсем рядом с отвесной скалой. И чтобы не угодить с размаху в эту гору, нужно всё разглядеть и точно рассчитать. А внизу ничего не видно. Мощные потоки воздуха срывают со склонов снежную пыль, которая плотно покрывает аэродром, блестит, отражая лучи солнца, и колышется. Шевелится, будто кто-то неведомый забрался под это огромное белое одеяло, только что мирно спал под ним прямо на полосе, а теперь вдруг проснулся и пытается выбраться.

Каждый такой полёт дарит радость. Заснеженные вершины на фоне зелёных лугов, тёмно-синего леса, предгорья и бесконечное голубое небо! Но не только красота снова и снова влечёт тебя в облака. Главное – это контраст между упоением природой и острым ощущением опасности и риска.

Остались позади Альпы с посадкой в Куршавеле, перелёт через Пиренеи, наконец, Малага. Уже сегодня можно расслабиться в каком-нибудь городке поблизости.

В Марбелье зима облачна и скучна, но воздух остаётся тёплым и влажным. Среди рыхлых соцветий белого вереска, не сожжённого летней жарой, тут и там высятся стебли стрелиции. Цветы её, будто сказочные птицы с длинным клювом, вытянули головы с торчащими в разные стороны яркими перьями и тревожно всматриваются вдаль, охраняя тишину курортного городка.

Вдруг начинается дождь, и с гор срывается поток воздуха. Он несётся вниз, пробираясь между высокими белыми зданиями отелей. Набережная вмиг пустеет, исчезают запахи цветов, а люди, только что беспечно прогуливавшиеся вдоль моря, прячутся в защищённые от ветра кафе. Пережидая непогоду, они с интересом наблюдают за струями фонтана. Те неожиданно исчезают, а вместо них в воздухе плывёт огромное облако водяных брызг.

За последний год Антон успел полюбить этот городок и был рад вдруг очнуться здесь вновь после напряжённой недели каждодневных перелётов из Швейцарии в Испанию и обратно. Он шёл по узкой крутой улочке Старого города, и его взгляд то устремлялся на древнее здание Часовни Сантьяго, то безразлично скользил по разноцветным шляпкам, кофточкам и шарфикам, вывешенным возле многочисленных магазинчиков. Зрелые апельсины, только что сорванные ветром, беспорядочно скатывались по узорной плитке вниз, к проспекту, под колёса проезжающих машин. Антон поднимался вверх, навстречу тонким ниточкам ручейков, поблескивающих серебром от света витрин, и опасался лишь одного – поскользнуться, нечаянно наступив на оранжевый плод.

И вдруг что-то заставило Антона остановиться у одного из больших окон. Перед ним была кофейня.

Антон почувствовал, что по жилам растекается наслаждение от запаха горьковатого кофе, ванили, миндаля и марципанового теста, от изобилия украшенных кремом сладостей, от пышущих жаром чуррос. Предвкушая праздник чревоугодия, он вошёл в этот кондитерский рай и справа у окна заметил компанию, собравшуюся за большим столом.

Двое мужчин почтенного возраста что-то деловито доказывали друг другу, три молодые женщины с наброшенными на плечи одинаковыми клетчатыми накидками сидели и разговаривали, благодушно улыбаясь. Одна из них что-то проворно поправила в одежде игривого шалуна лет пяти, затем легко взмахнула рукой... Антон узнал бы этот жест из тысячи...

Перед ним была Катя.

2.

Впервые они встретились лет десять назад, в новогоднюю ночь, на даче у общих знакомых. Антон сразу увлёкся Катей и, хотя та пришла со своим ухажёром, каким-то бизнесменом, старался не отходить от неё ни на шаг. Стройная, с правильными тонкими чертами лица и большими светло-кариими глазами, она казалась мечтательной, озорной и беззаботной одновременно. Но не внешняя красота, а что-то необъяснимое притягивало Антона. То ли движение руки, лёгкое, чуть заметное, словно отмахивается от чьей-то излишней назойливости, то ли изредка звучащие низкие нотки в голосе, такие, как у курильщиков или простуженных, неожиданные, с приятной бархатной хрипотцой. Ему нравился её взгляд, искрящийся из-под опущенных ресниц, который одновременно был и игривым, и ласковым, и нескромным.

Гости перезнакомились, несколько раз выпили за Старый год и даже успели потанцевать, но не успели открыть шампанское под бой курантов. Сначала сломалась пробка. Вторая бутылка, тотчас появившаяся в руках хозяина и, видимо, слишком охлаждённая, вообще не хотела открываться. Тогда, позабыв загадать желания и чокнувшись фужерами с обычным красным вином, компания вдруг разом высыпала из комнаты с камином на крыльцо, украшенное гирляндами из мигающих лампочек. Хозяева позвали гостей на берег недавно замёрзшего залива полюбоваться на самодельный праздничный фейерверк и ледяной замок, сотворённый местным умельцем.

Весь последний день года лил дождь, подморозило только к вечеру, а в ночь повалил рыхлый снег. Ледяной замок успел подтаять, но от этого стал только красивее, и теперь походил на постройки Гауди. Салют в честь наступившего года никого не удивил. Искры, шум, цветное пламя, взлетели вверх несколько красных и зелёных звёздочек, осветили лёд, потом медленно затухли и, упав в снег, громко зашипели. На этом как будто представление и закончилось. Наплывшие облака закрыли полную луну, и стало темно. Кто-то зажёл и раздал гостям бенгальские огни, потом все зачем-то разбежались искать несгоревшие гильзы от пиропатронов.

Следующий залп из нескольких петард оказался неожиданным и громким. Хозяйские собаки, до этого радостно гонявшиеся за мячиком по заснеженному льду, завиляли хвостами и прильнули к Кате, из всех гостей для защиты выбрав именно её. Они так крутились, толкаясь мордами в её колени, что Катя, потеряв равновесие, оступилась, поскользнулась и

упала на мягкий снег. Она вскрикнула, меховая шапка свалилась с её головы, волосы рассыпались вокруг лица. Бенгальский огонь, сея холодные искры, выпал из рук, а собаки, испугавшись ещё больше, поджав хвосты, кинулись домой.

Через мгновение в сумраке кто-то склонился над Катей. Будто играя, она чуть приподнялась и протянула вверх руки. Перед ней был Антон. Пытаясь помочь, он нагнулся ниже, обхватил Катю за талию, поставил её на ноги, но тут же поскользнулся и упал, уронив её на себя. От неожиданности несколько мгновений они лежали неподвижно. Длинные волосы с мягким запахом лаванды приятно касались лица Антона, сверху на него выжидающе смотрели широко раскрытые глаза с искоркой лукавства. Он слышал глубокое дыхание, всем телом чувствовал влекущую близость Кати и вдруг стал её целовать. Опасаясь, что этот случайный и сладостный миг может закончиться, он быстро целовал её шею, щёки, глаза... И, наконец, его горячие поцелуи встретили отзывчивые губы Кати.

Яркая вспышка от очередного залпа осветила всё вокруг и мгновенно разлучила их. Некоторое время спустя, накричавшись и наохлавшись кто от деланного, кто от искреннего восхищения, компания вернулась в дом продолжать прерванное застолье. До самого отъезда Антон и Катя так друг с другом ни о чём и не поговорили. Следя за ней, за каждым её жестом, каждой улыбкой, Антон искал и не находил какой-нибудь знак, понятный только ему.

3.

Его с детства увлекали спорт, авиаклуб и стремление к риску, ей нравились музыка, пение, гармо-

ния семьи и душевное спокойствие. Оба два года назад окончили разные вузы, но у каждого диплом экономиста. Впереди карьера учёного, будущее ясно и predetermined. И вдруг обрыв! Страны не стало. Как в калейдоскопе, всё завертелось вокруг: наука исчезала, бизнес зарождался и тут же рушился, деньги появлялись и пропадали, партнёры предавали, приятели разбегались. Теперь были нужны только доллары, интересовал только успех.

Откуда ни возьмись, появился известный музыкальный продюсер и потянул Катю совсем в другую жизнь: музыка, песни на английском языке, поклонники, приличные деньги от дорогих корпоративных вечеринок, поездки за границу с концертами. Зрители с ума сходили от неё, такой подвижной, гибкой, привлекательной. Всех завораживал её тёплый, густой, низкого тембра голос, чем-то похожий на тот, какой был у Таниты Тикарам. Катю слушали, ею любовались, и это доставляло ей удовольствие. Конечно, она понимала, что такая карьера – дело случая, многое зависело от её отношений с продюсером, да и вообще, это же шоу-бизнес – не так посмотришь, и всё кончится!

Антон тоже вдруг почувствовал, что теряет в жизни нечто по-настоящему важное. Спихватился и кинулся в омут поэзии, стал учить французский, а потом, как в вакуум, его засосало небо. Вскоре в автомобильной катастрофе погибли родители, и он остался совсем один. Нужны были деньги, и Антон, как заправский экономист, мастерил добротные бизнес-планы. Некоторые из них успешно реализовывались, и тогда предприниматели одаривали своего спасителя поддержанными автомобилями и поездками за рубеж. Из этой манны небесной он скопил кругленькую сум-

му и отправился по приглашению в Австрию. Там Антона взяли в небольшую авиакомпанию. Взяли, потому что у него имелся сертификат Вильнюсской международной авиашколы, около двухсот часов налёта на одномоторном самолёте, и – самое главное – он был знаком с сыном президента компании.

4.

Катя и Антон жили каждый своей жизнью, часто и подолгу находясь вдали друг от друга. Несмотря на неожиданно странное завершение их первой встречи, была и вторая, а потом и третья... Они старались оберегать себя от тысячи мелочей пресного быта, от всего обременяющего, отвлекающего и рискованного, ради того, чтобы вновь и вновь испытывать сильное чувство, подобное влюблённости с первого взгляда.

Всякий раз, оказавшись в родном городе после нескольких месяцев отсутствия, Антон шёл по утренним полупустым улицам центра, проходил мимо ещё закрытого Кузнечного рынка, любовался недавно восстановленной часовней, где уже горела лампадка, а потом приходил в знакомый двор. В старом доме среди узких окон третьего этажа было два Катиных. Скрываясь за горкой на детской площадке, он долго смотрел на них, тщетно пытаясь увидеть её силуэт. Можно, конечно, подняться и позвонить в дверь! Но Антон не хотел. Катю всегда опекали мужчины из шоу-бизнеса, музыканты, поэты, продюсеры. Он знал это, не раз видел её ухажёров, хотя чувства ревности при этом никогда не возникало. У него ведь тоже были похожие связи. Поэтому, стоя у Катиного дома, он всегда ждал. Ждал, вдруг погаснет свет в окне, и она выйдет.

Если она одна выходила из подъезда, он прятался и долго шёл за ней следом. Временами то деревья, то какой-нибудь неповоротливый троллейбус скрывали от него её фигуру. Боясь, не исчезла ли она, не свернула ли в переулок, он торопился миновать мучительное препятствие и, снова увидев Катю, останавливался облегченно вздохнуть. Так продолжалось долго, пока ему вдруг не представлялась возможность ловко и незаметно обойти её, а потом, столкнувшись лицом к лицу, изображая занятого человека, как ни в чём не бывало наигранно-растерянно произнести: «Катя!? Ты ли это? Здравствуй...» Она бросала все дела, и они уезжали на электричке за город, на берег тихо журчащей речки, скрытой кустами черёмухи. Иной раз просто бродили по лесу.

Однажды за яркой россыпью полевых цветов им распахнулось огромное жёлто-серое поле. Пробравшись на его середину, Катя и Антон долго-долго лежали там, на тёплой земле. И не существовало в этом мире ничего для Кати, кроме его ласковых рук, а для него — мягких Катиных волос рядом с его лицом.

Потом они молча смотрели в небо, и сквозь облака проглядывала яркая осенняя синева. Её пересекала длинная тонкая белая нить — след от реактивного самолёта. Вдруг эта нить оборвалась, и высоко в небе послышался хлопок... Катя вздрогнула, тревожно взглянула на Антона и крепко сжала его руку... Вокруг них был только сплошной лес из уже пожелтевших пшеничных стеблей, лениво раскачивающих на лёгком ветру зрелые колосья, да редкие, такие же яркие, как небо, васильки... А в небе, сбросив свой привычный белый шлейф, продолжала двигаться блестящая на солнце точка.

5.

Они не виделись почти год. Катя вместе с ансамблем прилетела на рождественскую неделю в Ванкувер. Три дня на концерты, ещё три на отдых, потом Калгари, Торонто и Монреаль. Антон к тому времени уже полгода летал вдоль Атлантического побережья от Калифорнии до Ванкувера, обслуживал чартеры. И вот ему представилась неделя отдыха в заснеженной Британской Колумбии.

Случайно взглянув на афишу, Антон увидел название российской музыкальной группы и знакомую фамилию. Ни с чем не сравнимые чувства вдруг ожили, наполнили душу, захватили и уже не отпускали. Повинуясь зову сердца, он через весь город пешком направился к зданию Театра Королевы Елизаветы.

Гастроли уже заканчивались, и этот день был последним. Антон проник за сцену, долго бродил между кулисами, складскими помещениями, «карманами» с небрежно разбросанными декорациями, пока не попал в узкий коридор с гримёрками и там, наконец, разыскал Катю. Она сидела на стуле напротив большого зеркала в деревянной узорной раме и лёгкими, только ей присущими движениями руки, будто отмахивалась от кого-то, снимала грим влажными салфетками. На столе, на полу, на диванчике у стены, всюду лежали цветы...

«Катя!? Ты ли это? Здравствуй!» – тихо как пароль произнёс Антон. Она вздрогнула.

А потом была ночь. И эта ночь для них была как первая...

Еле-еле пробивался рассвет. Катя взглянула на Антона. Непослушная прядь на макушке придавала его облику что-то детское, а лицо казалось таким

родным, что хотелось погладить закрытые глаза, провести ладонью по небритым щекам, коснуться мускуlistых плеч...

Да, она влюбилась в Антона с того самого момента, как впервые увидела его серые глаза, напоминающие осенний дождь. А эти длинные ресницы! Они так щекотно моргали во время их нечаянного поцелуя. Но как же он был робок тогда! Антон, упав на снег рядом с Катей, лежал и чего-то ждал. Всего мгновение, но Кате казалось, что прошла целая вечность. Странно, она потом забыла об этом. Теперь вспомнила. Вспомнила его маленький, почти незаметный шрам на щеке. Он говорил, что это от удара о разбитое стекло кабины во время неудачной посадки. Катя сразу заметила этот шрам и даже хотела прикоснуться к нему губами... Но фейерверк! С него всё началось... — им и закончилось.

Катя вынырнула из потока воспоминаний, поднялась и, завернувшись в одеяло, подошла к окну. Огромными белыми хлопьями падал густой снег. Ещё горел жёлтый свет уличных фонарей, напоминающая про оставшуюся в прошлом бурную ночь. Этот рассвет был каким-то особенным и дарил надежду. Поднявшись на цыпочки, Катя приоткрыла окно и, протянув ладонь, стала ловить снежинки. Ей казалось, что пока они не растаяли, она успеет загадать желание. Но снежинки таяли на её тёплой ладони, и получались капли... «Как же быстро всё уходит!» — вдруг подумала Катя, и слёзы неожиданно покатались из её глаз. Антон проснулся, подошёл, целуя её затылок, попытался заглянуть Кате в лицо, но та отворачивалась — не хотела, чтобы он видел эти слёзы. Тогда Антон взял Катю за плечи, повернул к себе лицом и стал целовать. Его губы нежно снимали с

её щёк и ресниц капли слёз. Лёгкое одеяло медленно поползло вниз и соскользнуло, обнажив хрупкое плечо, белую грудь и загорелую бархатную кожу влекущего к себе бедра... Его руки крепко обхватили Катю за талию и он прошептал: «Я всегда буду с тобой...» От тепла этих слов дрожала каждая клеточка её тела, а чтобы этот миг длился вечно, хотелось замереть и не дышать... Даже рай для неё представлялся именно таким, заснеженным, с ещё не погасшей на сумрачном утреннем небе огромной луной – вот так стоять рядом у окна и смотреть на этот снег.

Двое суток они не покидали жилища, которое Антон всегда снимал, прилетая в этот город. Два дня почти ничего не ели, ни о чём не думали, но она мечтала...

И вот наступило последнее утро. Катя первый раз в жизни летела, находясь в кабине самолёта. Ох, как же ей хотелось окунуться в бескрайнюю синь, которая так часто смотрела на её Антона! Потрогать руками его облака, увидеть ближе солнце! Игрушечная «Цесна» плавно уходила в небо. Внизу тоненькими чёрными ниточками на покрытой снегом земле петляли дороги, мелькали разноцветные, словно кукольные домики.

А небо, небо!.. Его небо, ставшее теперь для неё таким близким и даже родным... Вот воздушная яма – и на секунды бессознательно ускоряется пульс и биение сердца. Страшно? Ничуть! Она знала, что есть что-то большее, чем двигатели и аэродинамические законы. И это большее – её любовь к Антону, к его небу, к его самолёту, к самой жизни. Она понимала, что радость, которую искала в Антоне, не только в нём таится, а дышит вокруг него повсюду, и что их любовь не просто череда случайных встреч...

В то утро Антон впервые почувствовал, что без Кати, без каждого дня рядом с ней не сможет жить. Не сможет, как прежде летать, мечтать, чувствовать... Его единственная собственность – бескрайнее небо, о котором он бредил с самого детства, постепенно исчезала, оставляя его наедине с Катей. Он понимал, что их любовь – особенная и хотя она, как пульсирующий родник, то возникает, то исчезает, – она и свежа, как родник.

Сегодня он увидел, как в их счастье вмешиваются какие-то другие силы, уводя их в разные стороны. Для Кати, как думал Антон, карьера артистки – лишь временное устремление, фон, на котором происходят их мимолётные встречи. Его страсть – это дело, которым он занят. Оно приносит деньги, позволяет сохранять привычный образ жизни, путешествовать, любить Катю... Для Антона утрата возможности летать равносильна потере самого себя. Да и семейная жизнь в полной гармонии чувств и душевном спокойствии – совсем не то, к чему он всегда стремился. Но была и ещё одна причина. На ярком фоне его героической профессии её сразу и не заметишь – не умел он делать выбор в сложных жизненных ситуациях. Не в своей каждодневной работе, где есть прямая опасность! А там, где такого риска нет.

Для них обоих каждая встреча становилась праздником. А сегодня она совпала с рождественским фейерверком, который устраивали местные власти. В предвкушении красочного действия люди толпились вдоль берега. Бухту медленно заполняли катера и яхты. Они подходили сплошным потоком слева по узкому проливику, будто автомобили по запруженному проспекту. В ночи был виден только красный свет их задних габаритных огней. В небе вокруг бар-

жи, откуда запускали салют, в ожидании представления барражировали лёгкие самолётики.

Вспыхнули первые залпы фейерверка, над гладью моря зазвучала музыка, и её звуки, будто заколдованные, стали проникать в душу Антона, заставляя увидеть одновременно и прошлое, и будущее. Вот шелестит залитое солнцем соломенное поле пшеницы, прорезанное тонкими нитями синих васильков, вот шум листьев черёмухи. Потом эта чудесная музыка проникает ещё глубже, и уже под скрытую полифонию фуги линия одного голоса разделяется на две... Высоко в небе вспыхивают разноцветные шары. Их мерцающие огоньки разлетаются, словно пушинки одуванчиков, вновь соединяются и уже в виде двух огромных, закрученных вселенных под тревожные, пронзительные звуки скрипок устремляются в разные стороны...

На следующий день Катя улетела.

6.

Продолжались гастроли по Канаде. Катя пела, танцевала, меняла города, снова пела и только ночью, когда прекращалось наркотическое действие сцены, одни и те же вопросы начинали её мучить, не позволяя уснуть. Почему они вообще встретились, такие разные? Почему полюбили друг друга? Он в небе – она на земле. Он один, наедине со своими звёздами, она – всегда в гуще зрителей и поклонников. Будто противоположно заряженные частицы притянулись друг к другу, столкнулись случайно, и после уже никакая сила не сможет, казалось, их разлучить. Но куда деть ту грусть, которая исподволь уже накопилась в душе от повторения как будто счастливых и беспечных, а на самом деле, таких безна-

дѣжных встреч? Сможет ли Антон оставить небо? Она всегда мучилась этими сомнениями, когда они расставались, хотела понять, что будет потом, как жить завтра, послезавтра?..

Под конец гастролей ей приснился сон. Будто Антон едет куда-то на машине, а она под проливным дождѣм, вся промокшая, долго бежит рядом, размахивает руками, стучит в окно... Но вот автомобиль замедлил ход и, уткнувшись в дерево, остановился... Она тоже остановилась... Стекло не опускается, дверь не открывается. В машину не попасть. Никто не выходит... И не разглядеть, кто там, в машине. Она продолжает неподвижно стоять, а в какой-то момент вдруг понимает, что Антона там нет. Погиб, разбился, умер!.. Проснувшись от собственного плача, Катя почувствовала нестерпимую боль от осознания того, что всё кончено, и уже никогда не удастся его увидеть, сказать то, что хотела сказать... Выплеснувшись через край души, боль застилала глаза нестерпимо солѣными слезами и долго не проходила... благодарная боль – ведь Антон был в её жизни!

После встречи в Ванкувере прошѣл год, потом ещё два и ещё... У неё есть сын, она вышла замуж, бросила пение, переехала в другой город... Всё чаще сложные чувства к Антону замещались ясными мыслями, всё более логичными и убедительными казались давние доводы родителей в пользу совсем другой жизни.

«Многие любят дождь, – говорила про себя Катя. – Он стучит по крыше, и этот приятный, успокаивающий звук исподволь заставляет мечтать, думать о будущем, вспоминать прошлое... Приятно? Наверное, приятно. Но я этого никогда не понимала. В детстве

в дождь нельзя гулять, становишься старше – опять неприятности – макияжу урон...» Конечно, Катя отдавала себе отчёт, что дождь питает землю и очищает жизнь. Прошёл он – и, пожалуйста, цветы дальше, пой, танцуй. Но всё время быть под дождём? И если есть за что любить этот дождь, то только за то, что он всё-таки кончается... или превращается в снег.

Так и с Антоном, его тёмно-серые глаза похожи на осенний дождь... Уйти от человека, с которым была счастлива, трудно. Но каждый раз, расставаясь с ним, она чувствовала и всё отчётливее понимала, что может столкнуться с настоящей утратой. А вдруг весь этот хрупкий и счастливый мир однажды треснет и рассыплется? Не будет семьи, своего дома, детей... И тогда никакая сцена не сможет дать ощущение душевного равновесия.

* * *

Увидев Катю в кафе, Антон быстро отвернулся и покинул зал. Давили непривычные, обжигающие сознание мысли. Словно Человек-амфибия, однажды встретив любовь и погрузившись в глубокое, доселе незнакомое, но всё-таки земное чувство, Антон уже не мог так же, как прежде, свободно парить в воздухе, полностью отдаваясь лишь этому волшебному состоянию души. Ему надо было делать выбор, а он не мог, не умел. Или уже сделал свой выбор?

Он шёл по улицам Марбельи навстречу лучам уходящего солнца, вглядываясь в лица прохожих, запоминая их улыбки, жесты, движения. Вокруг текла обычная жизнь, беззаботно гуляли прохожие, обнимались влюблённые пары, дети пускали мыльные пузыри, а потом подпрыгивали, пытаясь поймать эти переливающиеся всеми цветами радуги шары...

Минул ещё год. Катя гуляла с сыном в парке. Становилось всё темнее, и когда они уже уходили, хлынул ливень. Рядом лязгнул трамвайный вагон. Спасаясь от непогоды, они вскочили в раскрывшиеся двери и уселись на свободное место. Пожилой, с седой шевелюрой мужчина в пальто и с деревянной тростью сидел перед ними и читал развёрнутую газету. Катины глаза машинально уткнулись в огромные страницы. Внизу справа где-то под рукой попутчика виднелась чёрно-белая фотография. «Антон! Там его лицо...» – в груди быстро и тяжело застучало, всё вокруг закружилось и стало исчезать за какой-то пеленой, и Катя уже не могла различить, что движется: трамвай или чёрные силуэты людей вокруг, где она и где её сын... Она крепко сжала руку ребёнка, нежно провела ладонью по непослушному хохолку на его макушке и, пряча лицо, отвернулась к окну. Катя обнимала за плечи сына, снова и снова мысленно возвращаясь в счастливое морозное утро в Ванкувере...

Старый трамвай гремел по улице. Первый снег срывал с веток ещё не опавшие листья. Ветер подхватывал их, они неслись и сбивали мерцающие на стекле последние капли дождя.

Прелюдия

(Влечение и симпатия)

Эссе

Утро. Лесная тропинка вдоль осеннего холодного моря. На земле мокрый ковёр из бордово-жёлтых листьев, шуршит поблёкшая трава. В воздухе свежая сырость от прошедшего дождя, всю ночь приятно стучавшего по окну. Волны быстро набегают на каменистый берег и, кусая его, бессильно откатываются назад. Красиво улетаю птицы. Внезапный порыв ветра разбавляет терпкий аромат увядания...

Баня уже готова. Дубовые и берёзовые веники распарены. Медленно растекается аромат разогретого тёмно-янтарного жасминового масла. Он немного гуще и ниже запаха цветущего здесь жасмина, с явно медовым тоном и лёгкими нюансами амбры и свежей зелени. Наполнив парилку, этот аромат ненавязчиво напоминает о радостях прошедшего лета, разжигает фантазию и вызывает легкую эйфорию...

Сначала спокойно сидеть и вдыхать насыщенный целебными запахами горячий воздух. Потом подбросить на раскалённые камни чуточку воды с капельками настойки из берёзовых листьев, насладиться её шипением и, наконец, не касаясь тела, размахивать вениками, подгоняя вплотную к спине и ногам горячий воздух. Как же приятно наблюдать появление на теле одинаковых крохотных капелек!

Это поры помогают коже дышать, увлажняют и защищают её...

Нет, нет, парить ещё рано! Теперь на стол для мыльного массажа! Набор из жёстких и мягких мочалок и губок, тазик с горячей пеной от мыльной воды... Всю пену на тебя! Она впитается, и через минуту-другую можно начинать. Сначала жёсткая мочалка разотрёт всё тело от ног до шеи. Пена сойдёт, и станет видна покрасневшая кожа на бедрах, ягодицах, на спине, на животе... Сразу захочется мягких приятных прикосновений... Что ж, на это ещё полчаса... Вот тут главное – сохранять спокойствие и верность долгу парильщика!

Опять в парилку! Снова ковшик воды на камни, и только теперь можно и нужно парить вениками. Но это уже совсем другая история... Она не способна влиться ни в одно стороннее повествование.

В конце блаженства – водопад из холодной воды, и – до боли растирать всё тело махровым полотенцем. Нагретая простыня, халат, свежий чай с мятой «без ничего» и спать!

Через час-другой обед. Холодная водочка, селедочка, усыпанная колечками репчатого лука, горячий отварной картофель с укропом и тающим маслом, тонко нарезанные кусочки сала из морозильника, щи со сметаной и чесноком, чёрный хлеб с горчицей... А ещё! Нежная, свежая корюшка на пару...

Первая рюмка немедленно требует кусочек селедки с подцепленными на вилку колечками лука. Капельки масла должны стекать именно с лука. Ни в коем случае не с селедки! Именно она должна нежно войти в тебя, привнося вкус слабой соли и нежного мяса рыбы, скользящей по обезвоженной водкой поверхности горла...

Раз! Теперь свёрнутый в трубочку ледяной кусочек сала! Он сотрёт яркий привкус солёной рыбы и оттенки горечи репчатого лука на середине языка. Его холод только глубоко внутри погасит энергию от растворившейся там водки. Потом сразу кусочек рассыпчатого картофеля в масле и с укропом... Вернуть так необходимое тепло! Не дай Бог, вздумаете приготовить картофельные клубни в СВЧ! Рядом к столу не подносить! Там нет никакой рассыпчатости. И никаких разговоров – тотчас пошла вторая рюмка. Кстати, двух вполне достаточно, чтобы приниматься за щи. И когда в тарелке останется совсем мало бульона, следует намазать чёрный хлеб горчицей, лучше французской – она не такая сильная – и, подцепив кусочек отварной говядинки, радостно отправить его в рот вместе с кусочком хлеба, украшенного кашицей цвета хаки...

Стоп! Перед этим действием забыли третью рюмку!

Вот теперь всё.

Снова в баню. Туда, где недавно отдыхали после парилки... Камин, тихая музыка, бутылочка Монравель с сыром Рокфор, Камамбер и Риготт-де-Кондриё... Общение, блаженство и томление от близости влекущих к себе тел и душ...

Постепенно наступает ночь...

Пробуждение

(Сексуальное влечение)

Эссе

Сексуальное влечение – комплекс желаний и связанных с ними переживаний, имеющий в своей основе биологические инстинкты. Часто вызывает желание полового сношения с целью удовлетворить естественные сексуальные потребности и получить яркое эмоциональное и физиологическое наслаждение.

Ты ещё спишь, сладко и безмятежно, чуть покрытая простыней. Вдруг поворачиваешься на другой бок, потом на живот, снова на спину... Наверное, всё, что было этой ночью, вновь ярко и зримо предстает перед тобой во сне. Простыня давно уже сползла с обнаженного тела, оголив ноги и бедра. Огонь в камине вспыхнул с новой силой, и его яркий свет, скользнув по загорелым ногам, уткнулся в ненаглядный изгиб «лебединого сада», забегал там из стороны в сторону и замер... Тонкая бороздка кожи, плотно сжатая набухшими и немymi губами, вдруг загорелась серебряной нитью... Сначала захотелось прикоснуться пальцами и промокнуть эту желанную влагу... Не-е-ет! Не так! Погрузиться туда лицом и

вдыхать, вбирать, впитывать в себя весь аромат пробудившейся сказки! Вот руки сами потянулись вдоль твоего тела. Они пытаются прикоснуться к груди, чуть колышущейся под простыней... Кажется, будто ещё ночью, когда мы «летали в облаках», кто-то маленький украдкой забрался туда, и теперь, почувствовав приближение третьего, хочет, но не может выбраться... Пришлось подвинуться ближе и встать на колени. Окунувшись через ткань простыни в зыбкое и упругое тело, пальцы с нетерпением рыскают в поисках чего-то твердого... Находят! И теперь только эти две твердые кочки, не отдавая ласку никому другому, набухают, ещё сильнее твердеют и разносят по всему телу мощные вспышки сладострастия...

Ресницы распахнулись. Тело вытянулось. На твоём лице ещё млеет сладкая истома, а в глазах уже загорается восторг. Конечно, теперь он прямо перед глазами... Упрямый и сильный, влажный от вязкого и терпкого ликера любви, с оголённой вершиной, покрасневшей от стыда и предвкушения улады... Свет от камина изредка падает и на него. Отражаясь, он преломляется в перламутре тонкой пленки «патины» из изливающихся гормонов радости и удовольствия. Жемчужные блики проявляются и тотчас исчезают. Хотя здесь совсем другие гормоны! Они отвечают только за предчувствие...

Ты любишься этим игрушечным, но живым, исповедальным «центром мироздания», и возникает чудесная иллюзия мерцающего звёздного неба с его огромностью, непредсказуемостью и сокровенными тайнами. В этот миг существует только одно – страсть! Она затмевает разум и вызывает приятный, неумный трепет во всём теле... Мне! Всё только для меня!

Ты видишь, как его тело натягивается, будто тетива, и знаешь, эта тонкая, но крепкая нить, так же, как и твоя «серебряная ниточка», неотвратимо подарят вам то, что вы так ждёте. Они выпустят свои стрелы любви... Одновременно! Но сначала это восхитительное очарование уверенно и нежно проникнет в тебя... Оно заставит твои упругие губы сжимать его, отпускать, вновь впускать и потом надолго скроется в сказочной бездне с горячим сладостным дыханием вечного счастья... Спрячется, чтобы ничто не мешало всем клеткам твоего возбужденного тела чувствовать чуть ощутимые, но ошеломляющие и ни с чем несравнимые толчки от прорывающегося наружу божественного нектара.

Такое ощущение, будто все его органы, работая наподобие мощных форсунок, производят выброс своих, особенных жидкостей, стремясь наполнить невидимую камеру сгорания. Вливаясь в этот великий коктейль жизни, туда же устремляются резвые и игривые извечные носители счастья и проблем... Давление достигает предела. И вот эта масса из аминокислот, витаминов, белка, фруктозы и почти всей таблицы Менделеева, даруя сладостные ощущения, выбрасывается несколькими неистовыми спазмами. Вязкая, мутноватая, с запахом сырого каштана, она легкими толчками выбрасывается наружу и попадает на твои бёдра, живот, грудь.... То светлая и прозрачная, в нескольких местах покрытая почти белыми, иногда серебристо-сероватыми дорожками, то ярко-синяя, пламенная, сверкающая. А если встать или подойти к камину – играет всеми цветами радуги и, словно молочный туман, застилает глаза... Ничто на небе и на земле не сможет остановить её поток.

В эти мгновения ты, как ребёнок, который норовит всё положить себе в рот, ладонью снимаешь ки-сею, висящую по всей высоте уставшего очарования, и, не задумываясь, пробуешь это на вкус... Она сладко-солёная с горьковатыми и кислыми нотками... Блаженство видеть и чувствовать этот эликсир бессмертия, жизни и любви! Что может быть приятнее, лучше и здоровее? Прогулка по лесу, баня, массаж, сон, вкусный обед, приятное общение... и вот такое пробуждение ото сна. Разве что описание всего этого чуда!

Но что заставляет задуматься? Если много таких мгновений счастья – в эликсире любви больше горечи... Мало –и тогда сладость наполняет его.

Отчего так?

Кое-что о браке

(Брак-предприятие)

Эссе

Брак – регулируемый обществом и регистрируемый в государственных органах союз между людьми брачного возраста, порождающий их права и обязанности по отношению друг к другу. Измена – добровольный половой акт между лицом, состоящим в браке, и лицом, не являющимся его или её супругой или супругом.

Скажу жуткую крамолу! Брак должен быть по расчёту. У кого чувства преобладают над расчётом, тот просто глуп. Если решение принято на основе «праздничного набора» ярких чувств – тогда ничего хорошего не ждите. Год, от силы два. Вот и вся «семья»! Ни влечение, ни страсть, ни влюблённость сами собой к устойчивым отношениям не приводят. Вот если симпатия вдруг обнаружится, тогда ещё может что-то затеплиться. Со временем родится малюсенькая вероятность превращения всего этого сумбура в так называемый «счастливый брак»...

К браку надо относиться, как к предприятию. Это такое же юридически оформленное «нечто», добровольно зарегистрированное ради вполне определённых и осознанных целей. Да, у такого «предприятия»

должны быть партнёры. Должен быть «офис», то есть квартира, общий счёт в банке, должны быть «квалифицированные кадры», то есть у супругов должна быть профессия и зарплата. Предприятие – это всегда бизнес. А в бизнесе нет места таким понятиям, как обида, дружба, любовь... Как в брачной жизни, так и в бизнесе они могут появиться потом. Но никак не наоборот!

Разные точки зрения хороши в управлении, в науке, при демократии... В семье они вредны. Что тут исследовать? Кем управлять? Я тобою, а ты – мною?! Если у вас есть расхождения во взглядах, то вы будете расти в разные стороны. В любом случае! И не важно – процветает ваше «предприятие» или в нём хронически отсутствуют деньги. В итоге всё равно разойдётесь! Поэтому нужно постараться, проникнуться идеей партнёра и встать на его точку зрения. Или умудриться сделать так, чтобы он встал на вашу. При этом очень важно одно условие! Разумная терпимость. Какой-нибудь недостаток до поры до времени, пока он не превысил критическую массу, не должен порождать неконтролируемое всепоглощающее чувство взаимного или одностороннего отторжения. В противном случае – это совсем другая история!

Если уж вы собрались вот так вместе, в этакое «производственное объединение», значит, по крайней мере, имело место влечение друг к другу. Вот и используйте эту яркую эмоцию в качестве фактора временного укрепления «семьи». Как только почувствуете, что терпимость иссякает, придётся вспомнить о сексе. Но и это не панацея. Ведь одно и то же надоедает. От привычного секса, надеюсь, ты ещё получаешь удовольствие, но чтобы наслаждение... Вряд ли! Этому надо учиться. Всякое животное испытывает удовольствие – человек ищет наслаждения. Чтобы его

найти, неважно какое, физическое или духовное, нужно помнить, что в природе его просто не существует. Они все сделаны человеком. Всё человеческое развитие является погоней за наслаждениями.

А если в вашем «предприятии» всё прекрасно? И секс, и целеполагание, и взгляды... Откуда тогда берутся измены? Что здесь? Опять эта сексуальная неудовлетворенность или финансовая нестабильность? А может, это ответ на грубость супруга? Не мучайтесь! В основе измены лежит просто и красиво сформулированное Иваном Буниным объяснение: «Любовь похожа на солнечный удар». Ну, не любовь, конечно, а внезапно вспыхнувшая страсть... Хотя... Как называется – не важно. Так получилось...

Со своей изменой разобраться обычно легче, чем с изменой партнёра. Поэтому, чтобы не быть травмированным, чтобы жить легко и спокойно, сохраняя своё личное пространство и оставаясь тем, кто ты есть, не нужно договариваться о «вечной любви и верности». Договаривайтесь об уважении. Опять этот ужасный бизнес так и лезет во все щели нашего бытия! Ведь как там всё устроено? Если один из партнёров полностью контролирует какую-то область вашего совместного дела, он наверняка станет присваивать себе частичку его результата. Просто потому, что именно здесь, так уж получилось, бизнес уже не твой и уж точно не совместный! Слова: хороший, добрый, честный – здесь тоже не работают. Как говорится: «Ничего личного! Это бизнес».

Первое и основное – нужно договариваться о доверии и об ответственности. Один никогда не узнает, что у другого есть роман с третьим человеком. Ты не приводишь её или его домой, ты не тратишь на неё все деньги, а уж если хочешь потратить,

то придумываешь сто тысяч схем, чтобы не ущемить другого партнёра. Брачные отношения партнёров выше этого. Не забывайте, они друг с другом не только из-за секса, но ещё и потому, что у них общие интересы, общий список жизненных приоритетов, потому что они партнёры по жизни.

Что это значит? Это значит, что нельзя обсуждать свои влюблённости и романы. Никогда! Даже если что-то случилось или кто-то случайно заметил... Отрицать до последнего! Это также означает, что я верю только тебе, а не «друзьям» или «доброжелателям», которые могут мне что-то «напеть» из чувства сердобольности или ложного представления о порядочности.

Нужно уважать чувства партнёра, его привычки, общий дом, постель, своё тело, своих детей. Никогда не следить за партнёром. Не читать телефон, не копаться в сумках, в карманах. Но и таскать с собой случайно забытые чужие заколки тоже не следует. И помните – самый хороший способ испортить отношения – это начать их выяснять.

Всё это правильно. Но опять-таки при одном условии – если отсутствует паталогия в отношениях. Я имею в виду ревность. Не важно, чью! Чаше у него. Вот тогда просто ужас!

Если в твоей жизни появился ревнивец, и ты его вовремя не разглядела или ещё не готова расстаться, тогда придётся учиться куда-то перенаправлять свою сексуальную энергию. Раскрывай свой внутренний потенциал. Отправься на тренинги по личностному росту и сказкотерапии, освой качественный мэйк-ап, технику нанесения основы, научись пользоваться тональным карандашом, корректором, консилером, шиммером... Пиши картины акварелью, займись танцами... Вообще, учись слушать себя.

Иначе... У женщины, терпящей тирана, стёрто понимание границы, и это ставит её в роль жертвы.

А если отмотать историю назад? Может, было бы иначе? Это как в истории. Не бывает сослагательного наклонения. Всё предопределено судьбой. Она круче нас! Сегодня идти замуж за одногодка – нонсенс! Нет господдержки и социальных лифтов – брак быстро скукожится. Негде жить, вечно нет денег. За состоятельного и в возрасте – чаще всего жить «в клетке» и не развиваться как личность. Ведь для него это приятная компенсация неудачи прошлой семьи. Почти половина всех женщин подвергались физическому насилию в отношениях, и многие не сразу это поняли. Их обидчики часто сначала кажутся очень хорошими людьми, да и сам факт насилия, особенно эмоционального, не всегда очевиден. Многие остаются с ними долгие годы, прежде чем распознают их истинную сущность. Других заставляют поверить, что так и надо или что они сами во всём виноваты. Поэтому очень важно вовремя распознать таких людей – эмоциональных и физических насильников, обидчиков и тиранов.

Тиран будет пытаться ограничить твоё время с друзьями или будет настраивать тебя против них, станет каждый день читать твою переписку, заходить в аккаунты или даже предлагать завести общую страничку, вместе учиться иностранному языку... Куда идти, что есть, с кем гулять, что делать со своей жизнью... Всё под контроль!

Он ревнует, даже когда ты не даёшь повода. Его ревность может быть направлена в сторону выдуманного любовника или друзей, которые забирают тебя у него. Иногда в попытке изолировать он будет выражать обеспокоенность тем, как другие люди с

тобой обращаются, и хорошо ли они на тебя влияют. Такое поведение может казаться любовью или заботой, но у него от этого своя выгода. Он мастер манипуляций и даже может приводить кажущиеся логичными причины, почему ты виновата в его злости, жестокости или плохом поведении.

Согласитесь, это невыносимо!

Вспомни, так, невзначай, что цель человека – быть самым собой, а условие достижения этой цели – быть человеком для себя. Не самоотречение, не себялюбие, а любовь к себе; не отказ от индивидуального – а утверждение своего собственного человеческого «Я». В жизни нет иного смысла, кроме того, какой человек придает ей, раскрывая свои силы и живя плодотворно.

Может, всё-таки подумать однажды и сообразить, что никому не нужен тот, кто не нужен самому себе. Когда ты научишься любить себя, твою судьбу больше не посетят токсичные люди, способные только потреблять. Только когда ты поймёшь, что ты – чудо, достойное всего, что может предложить тебе эта жизнь, на твоём пути возникнет тот, кто каждый день будет поддерживать твою веру в истинность этих ощущений. Не будет больше ни нытиков, разочарованных всеми и вся, ни потребителей, которые знают только слово «дай», ни обиженных жизнью собственников, которым нужна ещё одна тень себя, а не человек рядом. Ты перестанешь быть для них приманкой, когда в тебе не останется ни грамма корма для их загнивающего нутра. А тебя судьба награждает новыми встречами. И эти люди сделают твой свет ярче. Право же, стоит очистить зеркало своей души! Мир сразу засияет новыми красками и подарит тебе то, о чём ты раньше могла только мечтать.

Зеркало Любви

(Шарль Бодлер. Муки творчества)

Рассказ

Потёмки творческого кризиса, закат чувств, сумерки привычек... Каверзы воображения, тупики и непрерывный поток поэтических ассоциаций. Бессильные поиски просвета, тьма воспоминаний, утренний ливень отчаяния, откровений и откровенности...

*Благословенная истома,
Журчанье вод и шум ветвей –
Как эта горечь мне знакома:
Вот зеркало любви моей!*

Шарль Бодлер. Фонтан

(перевод М. Яснова)

Тайну рождения стихов я храню в себе. Никто не видел меня за работой. Если в полном одиночестве я и единоборствую с ангелом Господним, то ни одна живая душа не ведаёт о моих страданиях. Бальзак за одну ночь, ненасытно расходуя кофе и чернила, может родить добрую треть очередного романа. Придирчивый и брюзгливый Флобер утром подолгу гоняет на велосипеде только для того, чтобы безукоризненно прокричать во всё горло написанные этой ночью несколько строк из «Мадам Бовари». Все это знали, верили, бурно обсуждали.

Мои муки творчества – полностью мои! Я, словно беременная женщина, месяцами вынашиваю идею короткого стиха. Эти муки – ад и в то же время необыкновенная улада! Потому что, в конце концов, – я знаю – обязательно мысль оформится в слова, они превращаются в изумительную мелодию, душе становится легко, и ты уже плывёшь по течению. Эта завораживающая музыка, будто пение сирен, сама влечёт тебя, постепенно затягивая в светлый безбрежный океан счастья художника. Ты окунаешься в него с головой и уже не чувствуешь ни времени, ни голода, ни жажды. Только там, в его глубинах, ты сможешь разглядеть едва различимые контуры того, что так неистово искал. Такое возможно при карнавальном состоянии души, когда свежесть возникшего чувства не успевает поблекнуть под гнётом вездесущего рассудка.

Однако перед этим приходится страдать. Страдать непрерывно, во сне и наяву. Искать, не находить, рыдать от творческого бессилия, снова искать, спорить с самим собой, с деревом, камнем, цветком... И не дай Бог довериться какому-нибудь приятелю, плохо, если это писатель, поэт или музыкант. Хрупкое строение тотчас рухнет и испарится от неосторожного прикосновения чужого взгляда, пусть это даже яркая личность.

Потом размытые контуры строения начнут воплощаться в слова, в рифму, в ритм – в ту самую музыку, которая только что была внутри и заполняла твоё сердце. Какое же счастье знать, что чудные твои строки послушны порывам души, извивам желаний, содроганиям совести!

Честное слово, на это не жалко потратить жизнь! Можно и нужно забыть это счастье, радость от со-

зданного тобой. И опять искать, искать... Закутавшись в макинтош, под нескончаемым дождём, я зачем-то неделями брожу по отвратительным переулкам. Камни мостовой блестят, отражая и удлиняя тусклые огни города. Мысли не рождаются. Они вдруг взлетают, как чёрная тень случайного прохожего, попавшего под свет редкого фонаря, и тотчас исчезают. Исчезают тоже, как тень, быстро скользя по стене и перегибаясь на выступах... Я пробираюсь по лабиринту этих мрачных, сырых и грязных улиц с кривыми, прогнившими домами, в которых вдруг на каком-нибудь окошке блеснёт озаривший моё воображение цветок или головка девушки... Могут ночи напролёт просиживать в кабаках, чтобы услышать и ухватить однажды произнесённое подвыпившим матросом то единственное, сочное и самое необходимое для меня слово.

А сколько я прожил вот так, не написав ни строчки! Если эта борьба с самим собой затягивалась, то мозг начинал воспламеняться, и являлся невроз с его капризами, с его бессонницей, терзаниями и болезненными прихотями. От одного только осознания этого факта меня бросало в жар. Я подходил к кувшину, чтобы остудить лицо холодной водой, и потом долго смотрел в зеркало, продолжавшее мутнеть от ещё излучаемого мною тепла...

В этот чудесный миг моя очаровательная рыжая кошка Алиса кроткими бархатными шагами подкрадывалась, тёрлась о мою ногу, потом мягко запрыгивала на стол и усаживалась подле рукописей в невозмутимой позе сфинкса. Она думала вместе со мной и смотрела на меня из глубины своих зрачков с золотистыми крапинками с какой-то разумной нежностью и таинственной проницательностью.

Выражая себя в слове, я всегда обращаюсь к кому-то, к какому-то слушателю. Иногда это некий мистический собеседник, ещё не явившийся друг или редкая возлюбленная... Иногда – моя Алиса. Она с удивительным терпением ждёт, чтобы я окончил свою работу, и, как женщина, стонущая на ложе любви, всё время испускает пленительное ритмичное мурлыканье. Невольно сравниваю себя с ней. Такой же чувственный, полный силы при нежной гибкости, с таким же взглядом, свободным, колдовским, который порою трудно выдержать... Однако чаще всего этот слушатель – я сам. И вот здесь тот единственный случай, когда я достигаю истинного раздвоения своей личности.

Не знаю, почему именно в данный момент делаю то или иное, почему пишу именно об этом. Такая потребность! Потребность творить – искать, угадывать, находить и выражать себя в этом. Убеждён – в жизни нет ничего, что было бы более господствующим, бесцельным и неоправданным! Но это моя Любовь! Моя Правда мира, Истина, выраженная красотой. Она не может быть объяснена словами. Но когда кто-то оказывается рядом, он обязательно ощутит её присутствие. Хотя бы по лёгкому ознобу, пробежавшему по коже...

Уже несколько месяцев я снимаю комнату на этой древней улице, короткой и самой узкой в Латинском квартале. Моё жилище на втором этаже, и к нему ведёт крутая лестница, вечно скрипящая под ногами. Мебель старая и нескладная, грязный пол, узкие окна во двор, и поэтому здесь всегда полумрак. Я сижу в кресле у зеркала и, долго вороша кочергой угли, не отрываю взгляд от слабо тлеющего огня в камине. Ни единой мысли! Мелькнула какая-то, зашеве-

лилась, с трудом создавая очертание идеи, но безуспешно.

Подложил пару поленьев. Их жадно проглотили языки пламени. Дрова приятно потрескивают. Тонкой щепкой, от которой потянулась чёрная струйка дыма, зажжёт бронзовую настольную лампу, и горящее масло буковых орешков наполнило комнату своим терпким запахом. Он придавал чудесный аромат белому облаку, висящему над нагретой чашкой моего свежего «чая»...

Который раз я вновь и вновь возвращаюсь к своим «Осуждённым стихам»!¹ Я просто написал поэтические строки, смастерил зеркало, наподобие того, что стоит напротив меня. Оно отразило наше жуткое время и... неминуемо вызвало неприятие. Знаю, что поддавшись соблазну дьявола, постигая и раскрывая прекрасное в безобразном, я не обрету ни счастья, ни покоя. Всё, что есть прекрасного в этой жизни, либо аморально, либо незаконно, либо приводит к болезням... Стихи гулко звучат в голове, сталкиваются, наслаиваются один на другой, создавая яркие, пугающие, но и влекущие к себе новые образы... Внешние предметы искажаются. Они являются мне в неведомых формах, затем постепенно теряют эти формы и, наконец, проникают в моё существо. Реальность и фантастика становятся неотличимыми...

Стоящее рядом зеркало покрыто пылью и кажется матовым. Контуры лица видятся в нём нечётки-

¹ «Осуждённые стихи». Здесь стихи Ш. Бодлера: «Украшенья», «Лета», «Слишком весёлой», «Лесбос», «Проклятые женщины» и «Метаморфозы вампира», запрещённые к изданию в 1857 году решением исправительного суда департамента Сена в Париже (отменено в 1947 году).

ми, цветовые переходы размыты, как на торопливом эскизе акварелью, вместо живых искрящихся глаз – светло-коричневые пятна с заметной синевой под веками, волосы покрашены в зелёный цвет, куртка тоже зелёная, светло-бежевые панталоны, на груди огромный шёлковый бант. Я люблюсь своим отражением и, как на исповеди, доверяю ему самое сокровенное...

* * *

Закутанный в халат, я сижу в своём кресле и пожираю глазами всё, что вижу.

Кто-то обнял её. Она вскрикнула. Их губы жадно глотают воздух в поисках долгого поцелуя, слова становятся бессвязными, бесстыдными, грубыми и вскоре вообще понятными только им двоим звуками. Тонкие белые руки, на миг показавшиеся мне огромными, с тигриной ловкостью нырнули куда-то вниз, медленно заскользили вверх по тугим бёдрам и, поднимая лёгкий шёлк платья и нижней юбки, обнажили чулки и батистовые панталоны с кружевами. Спустя мгновение кружевное бельё вдруг скомкалось, превратилось в бесформенную белую ткань и быстро скользнуло вниз, на пол, обнажив вожделенные красоты. Как возбуждает контраст тёмных чулок и подвязок с белой кожей! Как влечёт к себе лебединым изгибом ненаглядный сад! Всё это великолепие трудно разглядеть при тусклом свете угасающего камина, я лишь угадываю чарующие линии. Неровными складками прикрывающая порой наготу ткань платья мешает, раздражает...

Шквал эмоций тотчас обрушивается на меня, захватывает и не отпускает, раскручивая неуёмное воображение... Моё убежище вдруг ожило и преобра-

зилось. Старое грязное кресло вмиг превратилось в роскошную кровать. Пыльный, неподвижный воздух светится теперь едва уловимыми тонами и источает свежие цветочные запахи. Звуки, словно цвета радуги, окрасили всё вокруг, краски вдруг зазвучали чарующей музыкой...

Тело женщины сжалось подобно тому как тысячи нервных клеток разбегаются и через мгновение соединяются, чтобы принять новый удар... Я вижу его, смотрю с торжеством, как хищник любит добычу. Всей грудью вдыхаю аромат желания, вбираю в себя её тело. Разглядывая извивающуюся в экстазе женщину, я сливаюсь с ней, скольжу бесшумно, как змея, и уже не могу различить, кто это изнывает от сладострастия, чьи ноги переплелись на ложе любви?..

Постепенно всё расплывается перед моими глазами и куда-то исчезает... Наступает миг просветления. Узоры теней на потолке комнаты, украшенные седой паутиной, вдруг начинают жить особой жизнью... Связь между понятиями сделалась настолько неуловимой, что я не понимаю сам себя... Мною овладела нелепая и непобедимая смешливость. Как будто я в детстве с родителями выехал в пригород Парижа, забрёл в старый сарай и ради забавы валяюсь на копнах сладко пахнувшей, только что скошенной люцерны. А в светлом проёме распахнутых дверей ярко-синее небо, зелёная трава и... маленькая девочка. Она улыбается, танцует и зовёт меня... Я потянулся за ней...

Небо и трава вдруг пропадают. Девочка... Вместо неё передо мной та самая женщина... Я понимаю, что она чувствует мой взгляд, ощущает присутствие третьего человека. И мне это нравится. В сумраке обыч-

ной комнаты я, будто в эротическом сне мрачного фантаста и символиста Босха, уединился с двумя грешниками под стеклянным колоколом на озере Похоти и создаю поражающий воображение мир эфемерных желаний и чувственных удовольствий.

Я слышу, я угадываю, как всеми клетками кожи женщина осязает мелкую дрожь тела этого невидимого, но желанного человека. Желанного? Да, желанного! Оттого, что он видит, а она – нет, оттого, что он вместо неё созерцает таинство любви, и его флюиды, пронзая воздух комнаты, уже спёртый и тяжёлый от запахов пота и горелого масла, мгновенно подчиняют себе её воображение. Их гипнотические силы наотмашь бьют по обнажённым чувствам... На самом же деле эти флюиды лишь эхо той сладостной боли, которая только что вспыхнула и теперь не утихает в теле невидимого созерцателя... Он совсем рядом. Его прерывистое горячее дыхание обжигает её лицо. Этот острый, дрожащий от экстаза подбородок, мокрые пряди волос, нависшие над горящими глазами, эти капли пота на лбу... Они падают! Попадают на её грудь, живот, бёдра, всякий раз заставляя тело вздрагивать и напрягаться...

До сих пор она чувствовала только запах тела, прикосновение пальцев, солёный привкус потных рук, завораживающие вздохи и шёпот дыхания... Теперь она видит! Воображает, будто видит! Видит его глазами... И кажется, что весь этот новый мир, проступающий сквозь пелену её прошлых ощущений, предстаёт перед ней во всём своём поэтическом чувственном блеске!

Меня опьяняло то, что своим созерцанием я дарю ей полноту счастья! Меня дразнило то, что видя все подробности сокрытого от неё и посторонних глаз

чудесного действия, я не могу... Да, я не могу ничего! Даже прикоснуться. Но я же вижу! Я вижу, как она видит, что и как вижу я! И если она не может отвести зачарованных глаз от моего лица... Этого достаточно! Самые сильные впечатления рождает воображение, а вовсе не реальные события!

Женщина ясно понимает: наступит миг, и скрывающийся во тьме, кто бы он ни был, пока лишь прикоснувшийся к чужому наслаждению, неотвратно и без остатка растворится в блаженстве их волшебной ночи...

Наблюдая за ней, я почти не думал о себе. Так ни разу и не прикоснувшись к женщине, я вдруг начинаю чувствовать своими губами ресницы её зазывных глаз, бархатную кожу колышущейся груди, трепетное влажное дыхание. Оно щекочет и распаляет фантазию... Вот она уже обнимает и неистово целует моё лицо, шею, грудь, живот, резким движением стаскивает с моих плеч махровый халат, опускается на колени... Время остановилось! Эти чудные мгновения длятся вечность! Она нежно сжимает свои тонкие пальцы, отпускает, снова сжимает, то и дело бросая взгляд уже покрывающихся поволокой томных глаз с моего дрожащего подбородка на растущее и вздымающееся всё выше и выше восхитительное очарование ещё не познанного ею рукотворного Создания... Наконец, настаёт тот чудесный миг, когда вся моя сущность, все мысли, все видения – исчезают куда-то и превращаются в один твёрдый сплав – упругий сгусток нервов и плоти. Невидимые живительные токи начинают заряжать меня. Они медленно скользят по всему телу, словно блестящая на солнце капля под тонкой коркой весеннего льда, сползающего с нагретой заснеженной крыши...

Вдруг эта капля объявляется на самом кончике оголившейся плоти. Отражая свет камина, она, как жемчужина в раскрытой раковине, чуть сверкает матовым блеском, застыла и не скатывается вниз. Что-то удерживает её на этой вершине мироздания!

Нежные пальцы женщины, будто перебирая узелки на чётках, легко пробежали по чувствительным и отзывчивым нервам, коснулись жемчужины... Та исчезла, и только кожа рук стала влажной и скользкой...

Я вскакиваю и, путаясь, зарываясь в шелках её одежд, наконец, нашёл, уткнулся... Коснулся лицом и вдыхаю в себя таинственный и запретный, восхитительный и дурманиющий аромат... Захлёбываюсь им! Чувствую, как горят щеки, пылают от восторга встречи с чудом... Только одна мысль! Одна мысль, не отпуская, гнетёт и гложет... Неужели это закончится? Её упрямые ладони ещё удерживают меня, а ласковые пальцы, будто подсказывая, уже начинают нежно гладить мои волосы...

Вдруг, случайно и неуклюже повернувшись, скользнул по узенькой полоске холодного обнажённого тела... Там... Над ажурным тёмным чулком... В один миг, как по мановению волшебной палочки, окунулся в реальность и до боли ясно обнаружил очевидное: «Это же всё не для тебя!..»

Одна её рука опустилась и очутилась внизу... Создание вздрогнуло. Ладонь женщины сжалась и медленно, будто заманивая, потянула давно восставшее очарование к пылающему входу в бездну...

Вот оно уже внутри! Тотчас врата рая сомкнулись и плотно стиснули его, не позволяя шевелиться. Всем своим телом оно ощущает, как окружающие влажные, чуть ребристые своды начинают сокращаться. Они сдавливают воспалённый сгусток нер-

вов и плоти, отпускают, снова обнимают, доводя до иступления. Но что это? Кто-то незаметно подкрался и выхватил его из пылающей бездны... И вот он один на один перед входом в рай, пьяный от вседозволенности, красный от напряжения, заплаканный и запыхавшийся. Почувствовав внезапную утрату наслаждения, он снова вздрогнул и тотчас сам устремился обратно, сквозь немые губы в кратер восторга и обиды.

Теперь ничто и никто его не сможет остановить! Уткнувшись во что-то там внутри и, не веря своему счастью, он вырывается наружу... Вырывается, чтобы убедиться, что это не сон, и опять вернуться. Дразня себя, и теша иллюзией бесконечности этого завораживающего процесса, он много-много раз отнимал, а потом вновь дарил себе удовольствие от восхитительного чувства первого знакомства...

Это продолжалось долго, пока однажды, остановившись, чтобы ещё и ещё затянуть процесс наслаждения, я, покачиваясь от усталости, огляделся по сторонам и вдруг встретился с широко раскрытыми, манящими к себе глазами женщины. Её ресницы казались тонкими лучами её играющих глаз, они чуть подрагивали, не просто так, а в такт прилива моих ощущений...

Судорога пробежала по моему телу. Ещё чуть-чуть и из него вырвется поток жизни и любви. Чудесный коктейль из гормонов радости, нежности и удовольствия вот-вот погрузит нас в состояние блаженства. Там любовь и сладострастие соединятся в одно целое, и громким водопадом низвергнутся в пучину счастья...

Я на самом краю этой бездны...

В тот же миг раздался удар, страшный глухой удар... Моя кошка Алиса одним движением головы

распахнула двери и с громким мурлыканьем запрыгнула ко мне в кресло. Райская комната – «Сад земных наслаждений»¹ – всё очарование сказки исчезло сразу, внезапно, грубо... Жуткий шум разрушения заполнил моё жилище. Будто в «Золушке», радость и наслаждения вмиг исчезли, всё вокруг рухнуло и вернулось в прежнее состояние. Эта комната – скверное жилище вечной скуки. Эта мебель, пропыленная и нескладная, грязный пол, в сумраке на полу блестит лужа от пролитой из кувшина воды, печальные окна с пыльными стёклами, по которым протянулись полосы от дождевых струй, мои рукописи на полу, перечёрканные и незаконченные, это мутное зеркало, которое теперь хочется разбить...

¹ «Сад земных наслаждений» – триптих нидерландского художника Иеронима Босха (1450–1516).

Сосня-Антонина

Эссе

Вон там, на сосне, гнездо птиц – касито де пахаритос – птенцы уже выросли и теперь сами летают, где хотят. Но у нас на балконе есть для них домик из склеенных листов картона, с дверкой и окошком. Пусть сюда прилетают! Смотрите, как тут красиво и тепло! Внутри тряпочки, вокруг цветочки и ягодки... Ещё нужно мыльных пузыриков туда... Открыла дверку, присела на корточки и пускает через соломинку мыльные шарики. Они переливаются всеми цветами радуги и там внутри лопаются. Но как красиво! Птички обязательно прилетят... хотя бы посмотреть. А чтобы все видели, как они радуются, вдоль всего балкона напротив домика расставила стулья для зрителей.

Сколько радости, удивления, тревоги! Мне кажется, она понимает, что я не знаю язык, на котором она говорит. Никаких проблем! Главное – чувствовать и сопереживать. А она это видит и радуется тому, что вокруг все такие, как она – любят птичек, хотят им добра и что-то делают для этого. Вместе с ней...

Это как любовь...

Эссе

Никогда не нужно говорить, что жизнь нехороша. Только вдумайся – вся жизнь! Или хотя бы сегодня... Когда ты на самом деле домечтаешься до того, что попадёшь в другое время и обстоятельства, тогда, поверь, то, что есть сейчас, будет вспоминаться с благодарностью и ностальгией. И то, что рядом были такие люди, интересные, сложные и даже в чём-то противные, и то, что тебя сопровождали такие радости и такие проблемы... Кто-то сказал: «Благословляй свою жизнь, и она будет благословлена; проклинай свою жизнь, и она будет проклята». Всё внутри тебя. Самое главное – твоё отношение к жизни!

Закрой глаза, представь, что тебе пять лет, посмотришь в маленькое круглое зеркало, висящее на стенке у двери. Загорелое личико, выцветшие на солнце пряди белых волос... Тебе не нужно ничего выбирать, не нужно думать о смысле жизни и искать самого себя – только других – когда играешь в прятки... Время для тебя не имеет никакого значения. Не существует никаких «навсегда» и «никогда»! Ты сам их сочиняешь в минуты радости и боли. Ты ещё путаешь, когда же, завтра или уже сегодня, придут твои папа с мамой? Сколько ещё можно бегать по улице до того часа, когда придётся укла-

дываться спать? Вот ты сидишь на тёплом песке берега залива, а рядом твои ещё совсем молодые родители, играешь с сандалией, будто с машинкой, и точно знаешь, что сейчас у тебя нет занозы ни в одном пальце, а в глазу – этой вездесущей мусоринки, уже не щиплет свежая мазоль на пятке и давно засохла ссадина на коленке... Подберёшься тихонечко к маме, залезешь ладошкой в её сумку и вытащишь оттуда пригоршню очищенных жареных арахисовых орешков. Они такого же цвета, как твоя загорелая ручка. И давай хрюпать! А вокруг солнце, море, лёгкий ветерок... И ты захлебываешься этим безвременьем и легким воздухом счастья!

Это как любовь?..

Новые океаны

Эссе

Июнь. Цвет зелени сквозь пелену влаги оттеняет холодную гладь неба. Воздух насыщен сладким ароматом цветущей сирени, яблони и рябины. Он опьяняет и пробуждает воспоминания о чём-то милом и нежном. По прошествии стольких десятилетий, встретив однокашников, легко оглядываться в прошлое! Ещё лет двадцать назад было не так. А теперь совсем не чувствуешь этой дьявольской смеси из давно остывших страстей – зависти, ревности, гордости, потока развеянных мечтаний. Бездействует и печально известный эффект «портрета Дориана Грея». Вместо того чтобы изумляться старению одногодок, вглядываешься в их лица и с головой окунаешься в юность. Угадываешь озорной блеск в глазах приятелей молодости, превратившихся в степенных учёных мужей. Вспоминаешь ещё не приглушённые годами порывы души и знакомое, чуть заметное движение руки когда-то понравившейся девчонки... Слышишь беззаботный смех, вновь чувствуешь радость от дружбы в походах, на празднованиях дней рождения, в стройотрядах. Почему-то именно там, а не на уроках, лекциях или семинарах, где нас испытывали бесконечными «тестами на выживаемость».

Как всплывают воспоминания? У всех по-разному. У меня сначала появляются запахи, звуки, красочные картинки, а уж потом они влекут за собой события и факты. Помню боль в руках, когда, насмотревшись фильма «Человек-амфибия», мы, будто в воду, «Ихтиандром» ныряли с парты на пол. Слышу музыку французской речи нового учителя литературы. Чую острый запах аммиака, выползающий из-под неработающих вытяжных шкафов в лаборатории. До сих пор ощущаю дым от папирос профессора на всех его лекциях по неорганической химии и кисловатый привкус в воздухе после запуска в полёте главной лестницы факультета ритуальной ракеты на День химика...

А танцы под «Мишель» на верхнем этаже общежития! Там, в конце коридора, притаилась маленькая комнатка. В ней после военных сборов одно время скрывался от коменданта наш однокурсник. Изголодавшиеся по острым ощущениям, в этой забытой Богом каморке мы днями напролёт играли в покер. Время от времени выныривали в коридор и, проплывая мимо пришедших на танцы, стреляли сигареты. Потом вновь погружались в мир искусственных эмоций... В комнате не было ничего особенного – железная койка с давно не стиранным бельём, длинный стол, сколоченный из досок, и шесть табуреток. На столе невеста откуда взявшаяся потёртая бархатная цвета бордо скатерть с рюшами. Ещё на вбитом в стену гвозде висела корзина с книгами. Такая простая плетёная корзинка для ягод и в ней, помню, «Игра в биссер» Гессе, «Милый друг» Мопассана, а рядом с каким-то учебником по органической химии – «Маленький принц»...

Как же хочется вернуться в то время! Тогда свежесть чувств ещё не успевала поблекнуть под гнётom вездесущего рассудка!

Теперь, спустя столько лет, ясно сознаёшь, что все эти годы в первую очередь мы искали самих себя. Искали, будто в фантастическом романе, как в «Игре в биссер», порою не зная правил и пытаюсь совместить несовместимое. Пробовали новое, ошибались, набивали синяки и шишки, вновь бросались в омут неизведанного. При этом мы всегда помнили известную истину: «Человек не сможет открыть новые океаны, пока ему не хватит мужества потерять из виду берег» (*Андре Жид*)...

От укоренившейся привычки к трудностям и к постоянной борьбе за «счастливое будущее» на глазах появлялись шоры. Они заслоняли множество других возможностей для самовыражения. И тогда мы вынуждены были заниматься тем, что противоречило изначальному предназначению. Душа постепенно тускнела, заполнялась рассудительностью, расчётливостью, пропадал блеск глаз, исчезало чувство упоения и радости.

Вместо того чтобы сначала понять самого себя, раскрыть способности, избавиться от разрушительных убеждений или комплексов, часто сияются разобратся в окружающей обстановке. Конечно, искать себя трудно. Мы боимся этого больше всего на свете. Кажется, если не побывать у врача, то и болезни не будет. Как похоже на не очень складные, но точные по передаче чувства слова из песни: «И солнце б утром не вставало, когда бы не было меня...»

Вот именно! Солнце не только не встанет. Оно не будет освещать твой жизненный путь. Жизнь у каждого одна, и свет для каждого свой. Для фанатика это факел, прожектор. Вспыхнул однажды, ослепил, и — никаких сомнений! Вот и бежит такой безумец, будто глупый заяц перед зажжёнными фарами «мерседеса».

Ведь прожектор только тогда не слепит, когда светит в спину. Другой, не инфицированный патологической идеей, плывёт от звезды к звезде, попадая в ловушку их поля притяжения. Так и блуждает в бесполезных поисках своего «я», копируя кумиров и идя за кем-то на чужой, невидимый ему свет. По сути это чёрная дыра. Свет от такой звезды из-за её огромности не может оторваться. А во тьме крошечной даже не знаешь, чего хочешь. Обычно хотят изменить свою жизнь, но не знают, как и, что ещё важнее, – в какую сторону. Оставаясь в темноте без поводья, волею-неволей начинаешь самостоятельно искать свой Очаг. Ищешь, как умеешь. У одного это происходит быстрее, у другого – медленнее. Кому-то остаётся всего лишь шаг. Но этот шаг порою оказывается длиннее жизни.

Знаю, для многих наступал такой момент, когда нужно совершить прорыв, выйти за рамки привычных представлений о возможном. Почти всегда это соседствует с опасностью! Неизбежно наступает своеобразный «флаттер» – жёсткая вибрация души и тела. Некоторые не выдерживают – сбрасывают скорость. Лишь отчаянные нажимают на газ и попадают в сверхзвук. Эти познают радость движения по жизни! Они, будто в сёрфинге, наслаждаются долгим скольжением по склону волны. Нужно лишь научиться подольше оставаться на её вершине в ожидании подходящих изменений, хорошо владеть самим собой и чувствовать малейшие дуновения ветра.

В девяностые, на перепутье эпох, свежие новости больно давали о себе знать. Зачастую они противоречили старой картине мира. А новую мы никак не могли себе представить. Тогда многие по нескольку раз вынужденно ломали свою жизнь и потом му-

чительно искали любую кочку, на которую можно было бы опереться в трясине всеобщей неопределённости. Вокруг были иные люди и непривычные, несовместимые понятия и эмоции. Газеты с множеством орденов Ленина над названиями ругали советскую власть... Длинные ряды мёрзнувших у метро плохо одетых людей продавали книги, носки, напильники... А где-то блистали роскошью корпоративы, дурманил запах дорогих лосьонов, хороших сигарет и упругих пачек новеньких долларовых купюр. Криминал, бандиты, чиновники с неизменным «нет» на любую просьбу... Деньги, деньги, деньги...

Многие к таким поворотам судьбы были не готовы. «Когнитивную ригидность» приходилось гасить. Одни заливали душу алкоголем. Другие, наталкиваясь на разбросанные повсюду привлекающие игрушки, ринулись в бизнес. И те, и другие потом пополняли своими надгробиями городские кладбища. Тогда никто из них даже не догадывался, что только пять процентов от всех людей на планете могут заниматься предпринимательством. Такие из двух рублей сделают три, а потом ещё тридцать три, и дадут работу другим. Тогда ещё не знали, что бизнес может породить дружбу, но дружба бизнес – никогда! Мы переносили в новую неизведанную среду обитания привычные человеческие чувства: обиду, ненависть, любовь, зачастую по привычке одной рукой брали то, что плохо лежит, другой – тут же отдавали первому встречному жулику, выбрасывали деньги, чтобы «не пропали», одним глазом на икону дивились, другим – на ток-шоу в телевизоре.

Несмотря ни на что, выжили и те, кто остался верен своему первоначальному выбору. Их совсем немного. Сейчас они преподают то, чему учились,

они в науке, у них есть свои ученики. Некоторые девицы удачно вышли замуж и посвятили себя семье и детям, третьи уехали за границу и там пытались найти применение своим умениям... Кто-то, как в набитый людьми «трамвай желаний», всё-таки влез в бизнес, в управление, в политику.

Так или иначе, но всё это время каждый искал свой приют души, этакую Бухту Провидения. Не тихую гавань, где можно укрыться от житейских бурь! Другое! Место, где не успеваешь фотографировать всё, что тебя окружает. Дело, которое сначала раскрыло твои способности, а затем позволило их реализовать... Люди, с которыми ты работаешь, с кем дружишь, кого любишь...

Если тебе повезло, и это случилось, очень может быть, что ты распознал самого себя! Ты в гармонии с окружающим миром. И не нужно ничего ломать и переделывать, «высокие горы сдвигать», «менять течения рек», «по полюсу гордо шагать»...

Аккуратно постриженная травка на газонах, обыкновенный листочек, колышавшийся на ветру... Особенно осины! Если ночь была холодной, поутру на нижних лапах елей появляются хрупкие паутинки. Много тонких паутинок... Прикоснёшься – и они рассыпаются блестящими на солнце брызгами. А на фоне заходящего за кромку леса яркого оранжевого круга утренние белые берёзы стоят совершенно чёрные, и в молодом ельнике плутают последние отблески красного цвета. Будто кто-то не загасил костёр.... Море ощущений, как вдох свежего воздуха через распахнутое окно, проникает в твою душу, наполняет восторгом, умилением и не вполне понятной истомой. То же чувствуешь при звуках грустной мелодии Зацепина из фильма про Арктику «Красная палатка»...

Ты почти счастлив!

Почему почти? А вдруг в тебя проникнет хандра или подберётся тоска по буйной молодости... Тогда знаешь что? Отвлекись на минуту от природы, от родных, от любимого дела, сядь в машину и поезжай в большой город, возьми моего Масика и поброди с ним на поводке по тихим улочкам. Увидишь тех, кто в утреннем сумраке тёмной массой движется от метро к какому-нибудь НИИ. Они будто инопланетяне, с вечными наушниками от телефона и на ходу разговаривают сами с собой. Подожди, пока рассветёт, выйди на проспект, и ты столкнёшься с иными. Эти спуют туда-сюда, в них ещё кипят неуёмные желания, они рвутся куда-то и жаждут богатства...

Увидел? И тех и других? Правда же, ты испытал необычное чувство? Теперь гони обратно и учись ценить, использовать и любить каждое мгновение своей жизни!

Галерея отражений

О сборнике Б.Ф. Корнева
«Тайны „пылающего Разума“»

Мудрецы бывают разные. Например, немецкий мудрец – высохший, как мумия, выбритый, востроносый, мерно шагающий по улице средневекового городка и бормочущий себе под нос что-то о трансцендентности и интеллигибельности. Или китайский мудрец – пожилой толстяк, пьющий вино на берегу реки под осенней луной. Или русский мудрец – с бородой до пояса, суровый, босиком. Или, наконец, мудрец французский – аристократ, живущий вдали от света, насмешливо-добродушный, ухоженный, украшенный дуэльными шрамами.

Когда читаешь сборник «Тайны „пылающего Разума“», постоянно представляешь его автора – Бориса Корнева – меняющим одну за другой эти маски-образы, – эти и ещё множество других, подобных.

Нет, я вовсе не хочу сказать, что мудрость автора – лишь личина. Ни в коем случае. Мудрость этой книги – живая, прирождённая, крепкая и обаятельная. И – многоликая, выступающая то в одном, то в другом сценическом образе, то в одном, то в другом гриме.

Собственно говоря, это вообще свойственно творчеству Бориса Корнева: менять образы от одной книги к другой, выступать то в роли современного бизнесмена, то советского номенклатурщика, то школьника-подростка, то учёного-философа... Однажды он надел на себя маску французского «проклятого поэта» – Шарля Бод-

лера и написал целую повесть от лица классика, – чрезвычайно интересный литературный опыт, с которым вы сможете познакомиться на страницах этого сборника (рассказ «Зеркало любви»). А однажды мы поразились мудрости любимого пса автора, от лица которого написан рассказ «Когда все дома...»...

Образ автора в произведениях Бориса Корнева постоянно дробится, поворачивается к читателю то одной, до другой своей гранью, ненавязчиво пытаясь убедить его, будто эта грань – и есть единственно верный, единственно полный портрет; но горе читателю, который поверит этому, ибо в следующей книге он увидит нечто совершенно отличное от того, в чём его только что убедили.

И точно так же дробятся сами произведения Бориса Корнева: отдельная глава большой повести вдруг становится самостоятельным рассказом; несколько автономных миниатюр превращаются в единое повествование, потом опять распадаются, чтобы в новом сборнике появиться в иной комбинации, объединённые иной идеей, иным сюжетным рисунком.

Что мы получим, взяв в руки книгу «Тайны „пылающего Разума“»? Сборник повестей, рассказов, миниатюр, эссе? Верно! Всё так и есть – для читателя мало знакомого с творчеством Корнева. А человек, хорошо знающий его творчество (очень полезное знакомство, кстати!), сразу поймёт, что перед ним единая повесть – повесть о любви. Что, несмотря на очевидную жанровую пестроту (или благодаря ей?), книга вышла удивительно цельная, уверенно, не уклоняясь от тропы, идущая от начала к финалу.

Тут надо понимать, что любовная тема настолько проста, глубока и многолика, что в XXI веке исследовать её средствами романистов XVIII века просто неприлично. Схема «влюбились – начали встречаться – (испытали различные превратности) – поженились» давно не работает. Разговор о любви требует нового языка – может быть, не всеобъемлющего, а для каждого автора –

своего. Как решает эту проблему Б.Ф. Корнев в книге «Тайны „пылающего Разума“»?

Он раскладывает любовную тему на несколько различных проекций – примерно так же, как Пикассо раскладывал на проекции свою натуру. Мы видим любовь, как бы отражённую сразу несколькими зеркалами – большими и маленькими, богатыми и простыми, ясными и тусклыми; каждая глава в сборнике – это зеркало, по-своему преломляющее и являющее то, что в нём отражается. Сборник «Тайны „пылающего Разума“» – это целая галерея подобных отражений.

Начало её – чудесное погружение в мир поэзии Гийома Аполлинера. В качестве самостоятельной работы оно представляет собой литературоведческое эссе: придирчивый разбор нескольких русских переводов знаменитого аполлинеровского пятистишья «Прощание». Но, если рассматривать эссе «Тайны „пылающего Разума“» как первую главу в повести «Тайны „пылающего Разума“», то мы увидим в нём вовсе не литературоведение, а воспоминания о юности, рассказ о первых любовных романах – вообще, отчаянную попытку воссоздать дух юных лет, снова вдохнуть запах прошлого: как у Аполлинера – *«Запах времени Стебель вереска»*.

Вереск – магическое растение. Помните, у Стивенсона – «Вересковый мёд»? «Из вереска напиток забыт давным-давно, а был он слаще мёда, пьянее, чем вино...» – и запах у него был особенный – запах времени. Стихотворение Аполлинера – это заклинание, прочитанное над стеблями магического вереска; бездумно повторить это заклинание невозможно, нужно сперва вникнуть в его смысл, почувствовать запах времени.

И кажется, что тщательное разбирательство чьих-то переводов чудного пятистишья – это словно авторская попытка взлома двери, ведущей в прошлое. Что такое «запах времени»? Как трактует эти слова тот или иной переводчик? Какой смысл он вкладывает в таинственные французские строки? С одной стороны: «Мы больше не

вернёмся на Землю», – с другой: «Но помни, что я жду встречи»... Значит, всё-таки вернёмся, вернёмся в прошлое, вернёмся в прежнюю любовь?

И вот это путешествие начинается: рассказ «Путешественники», который, будучи взят отдельно, представляет собой милый, полный обаяния путевой очерк, – здесь же, в общем контексте сборника, он наполняется некой мистической музыкой. Из мира первой главы, полного юношеского беспокойства, читатель переносится в бесконечное умиротворение холодного Карельского перешейка и тёплых французских Пиренеев. Это как бы мир за гранью мира: так спокойно и безбурно, как в этом, нарисованном Корневым пространстве, на земле быть не может. Вновь читателя обступают тени французских поэтов, чьи имена увековечены в названиях улиц маленького южного городка. Эти имена, эти тени – отголосок юности автора, знак первого приближения к стране «утраченного времени». И даже пёсик по кличке Масик, главный (после рассказчика) герой повествования, из обычной домашней собачки вдруг превращается в духа-путеводителя, провожающего автора в запредельные миры... И это погружение в карельско-пиринейский астрал завершается в рассказе у разрушенного древнеримского моста. Моста в прошлое. Дальше пути нет. Не повернуть ли назад?

Нет, ни в коем случае! Автор пытается преодолеть пропасть мозговым штурмом, воссоздать разрушенный мост цепочкой философских рассуждений. Эту цепочку мы найдём в большом (по масштабам сборника) эссе «Срывая вереск...». Как вы помните, срывать вереск в сборнике Бориса Корнева начал Аполлинер и его русские переводчики – они срывали его, пытаясь уловить «запах времени». Эссе построено как ответ неким российским дамам, пытающимся получить у автора консультацию по неким психологическим вопросам. Автор с готовностью пускается в объяснения, разъясняя своим собеседницам, что есть любовь, страсть, симпатия, сексуальное вле-

чение, – и какое отношение имеют к браку все эти материи. И вдруг оказывается, что все расспросы, все разъяснения сводятся всё к тому же аполлинеровскому вереску:

– Случается, что ушедший пытается вернуться, а не просто продлить привычное поведение. Так бывает, когда он чувствует, что потерял или забыл что-то очень важное и нужное. Он снова и снова мучительно вспоминает и навязчиво ищет встречи. Иногда находит. Но чаще приходится признать: что-то безвозвратно ушло... Как же больно врезаются в сердце строки из стихотворения Аполлинера: «Срываю вереск, осень мертва. На земле, ты должна понять, мы не встретимся больше...»! Но сегодня это уже реальность. Возвращение к той странице жизни почти не вызывает эмоций. Она теперь не эта, а та. Не здесь, а где-то там. То, что было таким важным, чем ты дышала, что чувствовала, кем любовалась, что было твоим настоящим, вдруг стало прошлым. От этого становится холодно и неудобно. Ведь теперь в настоящем образовалась пустота...

Пустота – пропасть на месте разрушенного древнеримского моста. И всё-таки мозговой штурм помогает её преодолеть. А на том берегу пропасти автора уже ждёт мимолётное, но такое волнующее свидание с юной российской француженкой и её собачкой (миниатюра «Предчувствие»). Вот именно: это ещё не возвращение в юность, но уже явственное предчувствие возвращения. Прелестная незнакомка на несколько мгновений появляется из глубины узкой улочки и вновь скрывается, успев, однако, дать понять автору: путь в прошлое открыт.

А вот само возвращение – оно на страницах следующей главы повести – в рассказе «Этот сумрачный белёсый свет...». Возвращение к самому началу, к воспоминанию о школьной любви, о первом поцелуе, о радуге, запутавшейся в ветвях городских берёз. Нельзя, однако, сказать, чтобы эта история была по-детски безмятежной: рефрен её, строки из давней песни, – тревожен:

*Этот сумрачный белёсый свет,
то ли есть, то ли нет,
и стоим с тобою рядом мы
на пороге тьмы...*

Собственно говоря – на пороге взрослой жизни, на пороге новой, серьёзной любви... Но почему-то от неё веет тьмою, скрытой за сумрачным, белёсым светом первой любви.

И следующий рассказ – или скорее небольшая повесть, – это уже развёрнутая любовная история, которая и впрямь темна и печальна. Её название – «Последние капли дождя»... Школьник, герой предыдущего рассказа, видел радугу в каплях дождя, повисших на ветвях. В этой повести радуги уже нет, и дождь сменяется снегом. Холодно, холодно от такой любви!

Этот рассказ, эта глава единой повести посвящены любви-страсти – и он самый печальный в сборнике. Может быть, страсть, по мысли автора, не рождает ничего, кроме печали? Сам он говорит об этом так:

– То, что мы все называем любовью, на самом деле чаще всего лишь страсть. Это слово используют для обозначения высокой степени сексуального возбуждения в сочетании с общим эмоциональным влечением к партнёру. Но страсть, так же, как и влечение, – психические состояния с неосознанной или недостаточно осознанной потребностью человека. Эта потребность либо угасает, либо осознаётся, превращаясь в конкретное желание, намерение или мечту.

Другими словами – оказывается, мы ещё не вошли туда, куда стремились, мы ещё не отыскивали потерянное время, оно ещё ждёт нас впереди. И, чтобы проникнуть туда, автор предлагает нам ещё один магический обряд: баню (новелла «Прелюдия»). Баня, если кто не знает, у финно-угорских народов служила не только для мытья, и даже не столько для паренья, сколько для общения с духами, для введения себя в особый – банный – транс,

когда душа становится более восприимчива к потустороннему миру и способна получать оттуда либо дополнительную энергию, либо пророческие прозрения. Именно об этом думаешь, когда читаешь эти со вкусом, с наслаждением написанные строки: тут не в одном сибаритстве дело, тут описывается сложное магическое действо!

И следующая за «Прелюдией» сексуальная сцена рассказа «Пробуждение» наводит на ту же мысль: не в сексе тут дело, не в одном только сексе, – или, может быть, сам секс мы понимаем слишком однобоко, не ощущая его магической подоплёки, – а ведь были когда-то в древности и жрицы любви – не в современном, уличном, бордельном смысле, а в высоком, сакральном.

Но из этого сакрального круга следует, по мнению автора, вывести брак, – такая мысль лежит в основе следующего очерка «Кое-что о браке». Сей институт нужно твёрдо поставить за скобками, не позволяя ему проникнуть в мир магии, в заросли вереска, – пусть пребывает в сфере деловых отношений с чётко расписанными правами и обязанностями. И только совершив это, мы сможем, наконец, познать истинную любовную магию, о которой говорится в рассказе «Зеркало любви». Зеркало – один из важнейших магических инструментов! Именно сквозь тусклое, старое, покрытое патиной зеркало герой рассказа, великий Бодлер, проникает в запредельный мир. Рассказ тем и поражает в первую очередь, что показывает, как любовная страсть сливается с поэтическим вдохновением... Точнее, как поэтическое вдохновение оборачивается любовной страстью! Именно так, а не наоборот. Творческий порыв создаёт любовь, и любовь становится детищем творческого акта. Корнев ведёт происхождение любви не «снизу» – от телесного желания, а «сверху» – от небесного огня! Вот так – ни больше, ни меньше. Рассказ, как золотыми нитями, переплетён цитатами из Бодлера, причём это не традиционное цитирование: волею Бориса Корнева бодлеровские слова как бы рождаются

на наших глазах – мы присутствуем на самом сокровенном этапе творчества, когда слово растёт или выкристаллизовывается. «Зеркало любви», пожалуй, смысловой пик всего сборника – именно здесь «вересковый мёд» сварен и готов к употреблению. Ниточка от Аполлинера плывёт вспять по реке времени и приходит к Бодлеру – остаётся только связать её.

И этот узел связывается двумя чудесными миниатюрами – «София-Антонина» и «Это как любовь...». Две героини – две девочки. Одна строит домик для птиц – старательно, точно священнодействует... Вторая... Вторая ничего не делает – просто живёт, просто жуёт орешки, сидя на песке, у моря, – и чистое детское счастье её по силе и по глубине оказывается равным любви. Но как определить это равенство, как взвесить две радости? Очень просто: нужно, чтобы маленькой девочкой стала взрослая женщина – как и происходит в рассказе. Возможно ли такое? Возможно – с помощью зеркала. Нет – действительно возможно?..

Борис Корнев отвечает на этот вопрос так:

– *Знаю, для многих наступал такой момент, когда нужно совершить прорыв, выйти за рамки привычных представлений о возможном. Почти всегда это соседствует с опасностью! Неизбежно наступает своеобразный «флаттер» – жёсткая вибрация души и тела. Некоторые не выдерживают – сбрасывают скорость. Лишь отчаянные нажимают на газ и попадают в сверхзвук. Эти познают радость движения по жизни! Они, будто в сёрфинге, наслаждаются долгим скольжением по склону волны. Нужно лишь научиться подольше оставаться на её вершине в ожидании подходящих изменений, хорошо владеть самим собой и чувствовать малейшие дуновения ветра.*

Так сказано в эпилоге сборника, в рассказе «Новые океаны». Он тоже посвящён возвращению в прошлое – в молодость. А вернее – возвращению в себя.

– *Если тебе повезло, и это случилось, очень может быть, что ты распознал самого себя! Ты в гармонии с окру-*

жающим миром... Правда же, ты испытал необычное чувство! Теперь гони обратно и учись ценить, использовать и любить каждое мгновение твоей жизни!

Собственно, ради такого вывода и проделан весь этот сложный и увлекательный путь, который вы пройдёте вслед за автором сборника «Тайны „пылающего Разума“».

Андрей Богданов

11 сентября 2018

Содержание

Тайны «пылающего Разума» (Гийом Аполлинер. «Прощание»). <i>Эссе</i>	5
Путешественники. <i>Рассказ</i>	20
Срывая вереск.... <i>Психологическое эссе</i>	48
Предчувствие (Желание)	68
«Этот сумрачный белёсый свет...». <i>Рассказ</i>	70
Последние капли дождя (Влечение, симпатия, страсть, «биология»). <i>Рассказ</i>	74
Прелюдия (Влечение и симпатия). <i>Эссе</i>	91
Пробуждение (Сексуальное влечение). <i>Эссе</i>	94
Кое-что о браке (Брак-предприятие). <i>Эссе</i>	98
Зеркало Любви (Шарль Бодлер. Муки творчества). <i>Рассказ</i>	104
София-Антонина. <i>Эссе</i>	116
Это как любовь... <i>Эссе</i>	117
Новые океаны. <i>Эссе</i>	119
Богданов А. Галерея отражений. О сборнике Б.Ф. Корнева «Тайны „пылающего Разума“»	126

КОРНЕВ
Борис Фёдорович

Тайны «пылающего Разума»
Рассказы и эссе

Художник А.В. Спиридонов
Технический редактор А.В. Слободин
Корректор Л.Н. Николаева

Главный редактор Н.В. Кирющенко

Издательство «Историческая иллюстрация»
192019, Санкт-Петербург, ул. Глазурная, 2-89
E-mail: info@ist-il.spb.ru
Тел./факс: (812) 412 0737

Подписано в печать 18.09.2018. Формат 84 × 108 ¹/₃₂
Бумага офсетная. Гарнитура Petersburg
Объем 8,5 п. л. Тираж 1000 экз. Заказ № 27725

Отпечатано в типографии «Арт-экспресс»
199155, Санкт-Петербург, В. О., ул. Уральская, 17, к. 3

Борис Фёдорович КОРНЕВ,
родился в Ленинграде – российский
писатель, прозаик, эссеист, известный
специалист в области управления
в условиях кризиса и неопределённости.
Автор научных работ по вопросам
экономики и психологии кризисных
ситуаций.

Член Союза писателей России, член
редколлегии альманаха «Северные
цветы», лауреат литературных премий.

Его книги переведены на английский,
французский, испанский языки и
приняты в фонды национальных
библиотек России, ряда европейских
стран, Латинской Америки и Канады.

